

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОВѢСТЬ
О ИВАНѢ СЕМЕНОВИЧѢ
СТРАТИЛАТОВѢ

— Неуёмный бубень —

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ПОВѢСТЬ
О ИВАНѢ СЕМЕНОВИЧѢ
СТРАТИЛАТОВѢ

— *неуёмный бубень* —

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

БЕРЛИНЪ

М С М X X I I

Типографія Sinaburg & Co. G. m. b. H.
Berlin SW 68, Alte Jakobstraße 129.

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довелло

Среди достопримѣчательностей нашего города послѣ древняго Прокопьевскаго монастыря съ чудотворною иконою Ѳеодора Стратилата, высокихъ древнихъ, заново перекрашенныхъ стѣнъ другого, женскаго Зачатьевскаго монастыря, и пыльнаго бульвара, затѣйливо освѣщаемого единственною керосиновою лампочкою, тоже не безъ затѣйливости повѣшенною на проволоку между рестораномъ и эстрадою для музыкантовъ, послѣ трактира Бархатова, знаменитаго огурцами укропистыми и мѣрными какого-то необыкновеннаго засола и ядренистою бѣлою капустою — зайчикомъ, послѣ дурочки сестрицы Матрены, на которую одни молились, другіе потѣшались, третьи отругивались, наконецъ, послѣ Сусанинскаго памятника показывали Ивана Семеновича Стратилатова.

И у всякаго, мало-мальски свѣдующаго на этотъ счетъ, было полное согласіе и единодушіе. Скорѣе о монастыряхъ поспорятъ, древность которыхъ уже самой мѣстной ученой архивной комиссіей доказана, скорѣе въ бульварѣ усумнится глуздырь какой заволжскій, либо въ томъ же прославленномъ памятникѣ, но въ Стратилатовѣ никто и никогда, это дѣло немыслимое.

Двадцати лѣтъ началъ онъ свою судейскую службу въ длинной, низкой, закопченной канцеляріи уголовнаго отдѣленія, во второмъ этажѣ, и вотъ ужъ минуло сорокъ лѣтъ, много съ тѣхъ поръ смѣнилось секретарей, еще больше кандидатовъ — все чужой, наплывный народъ, а онъ все сидѣлъ себѣ за большимъ, изрѣзаннымъ ножами столомъ у окна, выходящаго въ трактирную стѣну, около которой испоконъ вѣку складывались дрова, и переписывалъ бумаги.

Поговорите-ка, кого-кого онъ только не знаетъ, какихъ губернаторовъ не вспомнить, о которыхъ давно ужъ всѣ позабыли, да что губернаторовъ! — председа-теля перваго суда помнить.

Вонъ Адрианъ Николаевичъ, правда, волосу много, архіерейскимъ гребнемъ не продерешь, а успѣль-таки ноги пропить, и сколько тамъ ни мудрить секретарь Лыковъ, сажая безногаго параличнаго писца для обузданія въ архивный шкафъ подъ запоръ, пропьетъ и послѣднюю свою голову. Нѣтъ, Стратилатовъ не чета Адриану Николаевичу и столы-то ихъ не рядомъ, а другъ противъ друга, и недаромъ пишущую машину между ними поставили: водки Иванъ Семеновичъ отродясь не зналъ, что это за водка, да и кандидатская пушка въ тоненькомъ мундштукѣ никогда не соблазняла его, не куриль.

— А за то живъ и здоровъ, — пояснялъ Стратилатовъ, — прожилъ шестьдесятъ лѣтъ, проживу и сотню, проживу сотню, дотяну до другой: въ первые времена по пять сотъ благочестивые люди жили и все такое.

По словамъ Лукьяна, сторожа, за всѣ сорокъ лѣтъ съ Стратилатовымъ ровно и перемѣны-то никакой не произошло: цѣлъ, какъ цѣлыши ягоды, либо яйца. Положимъ, это и не совсѣмъ такъ — Лукьянъ кривой, на лѣвый не видитъ — а все-таки Иванъ Семеновичъ еще молодцомъ и крѣпокъ, какъ крѣпкій хрѣнъ, хоть куда. Само собою, курчавыхъ черныхъ волосъ, о которыхъ не разъ проговаривался Стратилатовъ, кудрей этихъ — дѣвѣй сухоты и въ поминѣ нѣтъ: чисто, гладко — плѣшь во всю голову, отъ бровей до затылка, вотъ какая! Но что за бѣда, съ плѣшью даже удобнѣе: деревяннаго масла меньше расходуется да и муху на плѣши легче убить, притомъ она ему и къ лицу какъ-то. Это товарищъ прокурора обязательно долженъ бобрикомъ стричься да чтобы руки были большія бѣлыя, какъ бѣлыя перчатки, съ рубинчикомъ на мизинцѣ, а у Ивана Семеновича и руки-то самыя обыкновенныя: пальцы въ родѣ лопаточекъ.

— Плѣшь — украшеніе мужчины, — говорилъ самъ Иванъ Семеновичъ и не безъ гордости.

Другой сторожъ Горбуновъ, которому Иванъ Семеновичъ считаетъ своимъ долгомъ всякую субботу всу-

чить душеспасительную картинку, такой же, какъ Лукьянъ, ветхій, и хотъ смотритъ въ оба, а тоже перемѣны никакой не видитъ и только на уши указываетъ, что какъ-то широки они очень у Ивана Семеновича да длинны ни на какую стать, и словно бы въ тѣ еще времена, какъ жива была покойница мать Стратилатова, да первымъ охотникомъ слылъ Стратилатовъ по городу, словно бы тогда за черными кудрями они и не такъ торчали, такъ не заострялись кверху.

Что правда, то правда: уши большія — ушанъ, спору нѣтъ. Но посмотрите, когда спитъ Иванъ Семеновичъ, войдите незамѣтно въ его спальню, когда послѣ обѣда, распластавшись на продавленномъ тюфякѣ и голову закинувъ на промасленную, какъ блинъ, подушку, лежитъ онъ на своей колченогой желѣзной кровати, они и совсѣмъ ничего: разлопущатся листомъ по подушкѣ, сразу и не замѣтишь. Вся причина, должно быть, въ сѣрой жокейской шапочкѣ съ пуговкою, которую носить Иванъ Семеновичъ, это отъ нея.

Остаются очки — безъ нихъ Стратилатовъ шагу не ступить, всегда на носу, — и не свѣтлыя, какъ у Адриана Николаевича, а дымчатые — консервы, а изъ-подъ очковъ чуть замѣтные полузакрытые вѣками, мутные глазки и бѣлки, такіе желтоватые съ красными жилками.

Такъ-то оно такъ, но самъ-то Иванъ Семеновичъ утверждаетъ совсѣмъ другое: очки, все равно, какъ и калоши, носить онъ больше для виду, а глаза у него голубые. Чѣмъ чортъ не шутить, можетъ быть, они и вправду у него голубые и только изъ-подъ дымчатыхъ стеколъ такими кажутся мутными съ желтоватыми бѣлками, — обманъ зрѣнія.

Шестьдесятъ лѣтъ стукнуло Стратилатову — седьмой десятокъ пошелъ, и сорокъ лѣтъ, какъ сидитъ онъ въ судѣ да бумаги переписываетъ и за всѣ сорокъ лѣтъ не пропустилъ ни одного дня и во всѣ дни никогда не отлынивалъ отъ дѣла, а перемѣны, какъ видно — какая же перемѣна? — въ банѣ подъ паромъ, подбери онъ только животъ, и совсѣмъ за своего помощника Забалуева сойти можетъ, а Забалуевъ писарь — ёрмалышка.

— Собачья старость! — ухмыляясь, говорилъ Адрианъ Николаевичъ, подмигивая изъ-подъ очковъ на своего сослуживца.

И говорилъ такъ безногій, конечно, больше насмѣшки ради, чтобы поиздѣваться или просто изъ зависти, ибо всегда былъ и останется, по мѣткому опредѣленію Ивана Семеновича, обуянъ бѣсомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какой иной смыслъ въ этой собачьей старости, чередующейся съ гекубой, голгофой, аваріей, объектомъ, сферой, раутомъ, и тому подобными ни на что не похожими выраженіями, по крайней мѣрѣ, никакой видимой связи не имѣющими съ Стратилатовымъ: сидитъ вотъ такъ безногій, сидитъ, бумаги переписываетъ, либо прошеніе сочиняетъ, либо всей пятерней разглаживаетъ свою клочкастую рыжую бороду, да съ пьяныхъ глазъ и пуститъ черезъ столъ что-нибудь въ такомъ родѣ, а всѣ чиновники такъ смѣхомъ и заливаются — со смѣху мрутъ.

Ну, да вѣрь всякому вздору, говорить съ безногимъ, — гороху наѣсться, и то мало, сказано: обуянъ бѣсомъ.

Другое дѣло всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, въ домѣ котораго вгнѣзился Стратилатовъ. Прокопій, когда рѣчь заходила о непримѣрной крѣпости и не по лѣтамъ цвѣтущемъ видѣ неугомоннаго жильца, ссылался на естество.

— Естество, — говорилъ дьяконъ, потягивая свою рыжую рѣдкую бороденку, — такое естество, его же уставы попраť невозможно.

И, пожалуй, дьяконъ былъ правъ.

Какъ яйцо, круглый и полный, во всю щеку румянецъ, да такой румяный — малина, а губы — сирень-цвѣтъ, другого не подберешь, и надъ губою — пушокъ, либо такъ, будто углемъ по губѣ кто провелъ, съ масленицы осталось, носъ — его за три версты увидишь — длинный, и все такое сытое да наливное, сахарное.

— Когда буду старымъ, отпущу бороду, — не безъ удовольствія объявлялъ до синя выбритый и даже кое-гдѣ поцарапанный отъ тщательнаго бритья Иванъ Семеновичъ и молодецкато вытягивался на своихъ жилистыхъ тонкихъ ножкахъ, инда утроба вся вздрагивала.

Стойкій, этакъ вставалъ онъ открыто плѣшью къ солнцу, крѣпко и твердо упираясь на свои огромныя тяжелыя ступни: вотъ, молъ, я — голова.

И всѣ, какъ одинъ, соглашались, что Стратилатовъ — голова, какихъ мало, но тотъ же Адріанъ Николаевичъ не пропускалъ и тутъ случая позубоскалить.

— У тебя не голова, — ухмылялся безногій, — у тебя такъ, братъ, головка!

Всякій день по утру часовъ въ семь, когда по домамъ еще бродить сонъ, послѣдній, но зато самый сладкій и такой крѣпкій, что ни стукомъ дровъ, ни колокольнымъ звономъ — а звонятъ и въ Прокопьевскомъ, и въ Зачатьевскомъ, и въ приходскихъ церквахъ — никакими силами, кажется, не одолѣть и не выгнать его за дверь въ сѣни, когда однѣ лишь торговки съ молокомъ и корзинами идутъ на базаръ и кричатъ, какъ только умѣютъ кричать однѣ лишь торговки, да бѣгутъ чиновники въ казенную палату, въ этотъ ранній заботливый часъ, проходя по Поперечно-Кошачьей, легко столкнуться лицомъ къ лицу съ Стратилатовымъ.

Зимою онъ въ ватномъ пальто, на шею намотанъ красный гарусный шарфъ, лѣтомъ въ сѣромъ люстриновомъ пиджачкѣ и въ сѣрой жокейской шапочкѣ съ пуговкою, изъ кармана непремѣнно торчитъ пестрый платокъ, подъ мышкою синій бумажный мѣшочекъ съ сахаромъ, и всегда калоши.

И если бы вдругъ подъ какимъ-нибудь волшебнымъ глазомъ такъ все измѣнилось: перескочили бы усики-пушокъ, долгій носъ, малиновый румянецъ и сама гладкая, смазанная деревяннымъ масломъ стратилатовская плѣшь на другую и совсѣмъ непоказанную голову, на полиціймейстерскую — на самого Жигановскаго, а жигановскіе усы на председателя, старичка чахоточнаго, безвозвратно перетерявшаго за упорными болѣзнями всю свою природную отклику, а самъ Стратилатовъ превратился бы въ какого-нибудь кита, свинью, мышъ или бѣлою лебедью поднялся бы со стаей лебедей надъ Волгою, все равно по одному этому синему мѣшочку - тюричку и калошамъ ни съ чѣмъ его не спутаешь.

Какъ въ судѣ, такъ и въ другихъ казенныхъ учрежденіяхъ, чиновники обыкновенно пьютъ чай въ складчину, сахаръ обходится въ мѣсяцъ семнадцать копѣекъ на брата. По расчетамъ же Стратилатова выходило, что выгоднѣе носить свой сахаръ. Вотъ почему неразлученъ съ Иваномъ Семеновичемъ синій мѣшочекъ, и это всѣмъ извѣстно. Что же касается калошъ, то по огромности своей стратилатовскія не уступятъ даже и тѣмъ, что въ витринѣ у Охлопкова для ротозѣевъ выставлены, и изъ тысячи въ **какой-угодно толпѣ** выдѣляются, притомъ съ перваго же взгляда въ глаза бросится, что и надѣты-то онѣ только для виду: сапоги у Стратилатова рантовые, солдатскіе, изъ толстой грубой кожи, которую ни дождь, ни морозъ не беретъ, и одни сами по себѣ безъ всякихъ калошъ прекрасно скрадываютъ пространство.

Поднявшись въ шесть подъ всѣхсвятскій благовѣстъ и помолившись Богу, а Иванъ Семеновичъ молится долго и усердно, выбрившись и поворчавъ на Агапевну, съ незапамятныхъ временъ прислуживающую у Стратилатова, послѣ утренняго чаю отправляется онъ по Поперечно-Кошачьей на толкучку, гдѣ съ часъ и толчется около всякаго старья и книжныхъ ларей **будто безглазый**, въ своихъ темныхъ очкахъ, какъ-то носомъ что ли высматривая заброшенное добро, сваленное, какъ попало, впережку съ пустяками.

Толкучка для Стратилатова не праздное развлеченіе празднаго человѣка, толкучка для Стратилатова—существованіе, дѣло, какъ для врача эпидемія, для адвоката разбой, для газетчика несчастное происшествіе; и не изъ тридцати-рублеваго чиновничьяго жалованья, а черезъ эту толкучку лежало у Стратилатова въ государственномъ банкѣ цѣлыхъ десять тысячъ неприкосновенно.

— Умные люди всегда устроятся, дураки никогда не умѣютъ! — такъ говорилъ Стратилатовъ.

Еще въ свои молодые годы занялся Иванъ Семеновичъ промысломъ — продажею старинныхъ вещей. Купить удавалось ему всегда за дешево — безъ кошелька не выходилъ на толкучку и, пока другіе зѣвали, бралъ безъ всякихъ проволочекъ облюбованную вещь, а затѣмъ сбывалъ ее за хорошую цѣну столичнымъ скупщикамъ. Такъ, скупая и перепродавая, сколотилъ себѣ Стратилатовъ капиталъ.

Нашъ городъ стариною славится

Но не одна выгода, также и страсть гнала Ивана Семеновича на толкучку и не меньшая, чѣмъ у сосѣда его Тарактеева, мучного торговца, начетчика и нумизмата, и самъ онъ не прочь былъ изъ-за какой-нибудь гравюры, качества весьма подозрительнаго и вовсе не принадлежащей Рембрандту, которому любилъ приписывать всѣ безъ исключенія свои гравюры, такъ разссориться съ пріятелемъ, какъ недавно еще поссорились на всю жизнь городской врачъ Лихаревъ съ архитекторомъ Барановымъ изъ-за какихъ-то креселъ, будто бы петровскихъ, и не все продавалъ онъ изъ добытыхъ драгоценностей, оставляя себѣ кое-что и дѣйствительно цѣнное. И вотъ почему среди судейскихъ чиновниковъ одинъ Борисъ Сергѣичъ Зимаревъ — помощникъ секретаря и непосредственный начальникъ Стратилатова, за умѣнье свое точно и вѣрно опредѣлять древности снискалъ у него искреннее уваженіе и даже дружбу.

Въ нашемъ городкѣ всякій во всемъ понималъ толкъ, да какъ-то безъ толку.

Къ девяти Стратилатовъ въ судѣ. Онъ приходитъ первый, раньше всѣхъ, и только за послѣднее время секретарь Лыковъ не отстаеетъ отъ него, а иногда и предупреждаетъ. Но Лыковъ — исключеніе и вообще на настоящихъ прежнихъ секретарей ничуть не похожъ: прокурора Лыковъ не боится, а прокурора всѣ боятся, языкъ у Лыкова не лопотунъ, не жало, а попадешь ему на языкъ, — въ когтяхъ у чорта уютнѣе; просмѣетъ, отбрѣетъ, и все напрямикъ въ глаза жарить безъ обвиняковъ, безъ околичностей, безъ лжи и лести, а когда смѣются — бровью не двинетъ, точно замкомъ запертъ, и такъ законы знаетъ, будто самъ сочинялъ ихъ.

Стратилатовъ является въ судъ не съ пустыми руками: кромѣ синяго мѣшочка съ сахаромъ, онъ приноситъ съ толкучки какую-нибудь старую вещь — картину, икону, книгу либо такъ мелочь. И первымъ дѣломъ сложить покупку за свой стулъ къ стеклянной горкѣ, гдѣ хранятся бланки, бумага и другія канцелярскія принадлежности, затѣмъ, высморкавшись такъ, что вся горка звякнетъ и ей отзовется другая съ разбитымъ стекломъ, отъ Адріана Николаевича, подложивъ подъ

локти по листу чистой бумаги, чтобы рукавовъ не заса-
лить, обсосеть перо и примется за переписку. -

До двѣнадцати лучше не беспокоить Стратилатова: въ двѣнадцать секретарь потребуеъ отъ него испол-
неній по предыдущему дню и, хочешь-не-хочешь, по-
давай бумаги, а не подашь, Лыковъ потачку давать не
любитъ, такой столбнякъ нагонитъ, своихъ не узнаешь.

И не столько выговоръ, сколько само по себѣ
ослушаніе страшитъ Ивана Семеновича. Начальству онъ
преданъ, страхъ передъ нимъ знаетъ, и чѣмъ выше на-
чальство или, какъ говорится, иное какое усмотритель-
ное лицо, тѣмъ страхъ сильнѣе: поджилки дрожать,
ноги подкашиваются, ножки тараканы вырастаютъ и до
слезъ обуяетъ трепеть, до потери всякаго соображенія,
до полного забвенія нужнѣйшихъ житейскихъ обсто-
ятельствъ, какъ то, имени, отчества и фамиліи, возраста,
пола и положенія, когда, на примѣръ, случается стол-
кнуться ему въ прихожей съ предсѣдателемъ, съ кото-
рымъ ни разу во всю свою жизнь не сказалъ онъ ни
одного слова. Нѣтъ, лучше не беспокоить Ивана Семе-
новича.

Но лишь только секретарь уѣдетъ съ докладомъ,
и останется вмѣсто него всего-навсего одинъ его столъ,
заваленный дѣлами, тутъ-то и наступаетъ самое подхо-
дящее время побесѣдовать съ Стратилатовымъ. Онъ
становится неистощимъ и разговорчивъ: отъ одного къ
другому собираетъ онъ всѣхъ чиновниковъ и, пришепе-
тывая отъ удовольствія, пускается во всѣ тяжкія —
всякія исторіи, всякія приключенія, всякія происхожденія
историческія, современныя и даже апокрифическія, изъ
отреченныхъ книгъ заимствованныя, въ родѣ Повѣсти
о Ноевомъ ковчегѣ, и всѣ, какъ на подборъ, содер-
жанія весьма тонкаго, жаритъ онъ на память, какъ по
писанному, пересыпая анекдотами, шуткою и такъ попут-
ными замѣчаніями, тоже по смыслу своему исключитель-
ной легкости, затѣмъ переходитъ къ стихамъ, извѣст-
нымъ больше въ рукописномъ видѣ, нежели изъ печат-
ныхъ книгъ, въ родѣ знаменитой Первой ночи, и
декламируетъ поэмы на распѣвъ, съ замираніемъ — по
театральному.

Что за смѣхъ подымается! — Вотъ лопнешь, вотъ
со смѣху надсадишь бока, нѣтъ ему тына, ни помѣхи
— три кандидата за столомъ Стратилатова да три за

противоположнымъ у Адріана Николаевича, помощникъ Стратилатова писарь Забалуевъ да Адріанъ Николаевичъ безногій съ своимъ помощникомъ писаремъ Корявкой — кто хохочетъ, кто сопить, кто взвизгиваетъ, кто просто подкрякиваетъ, а самъ Иванъ Семеновичъ такъ ржетъ, пыль подымается, пылинки летятъ, точно перетряхиваютъ сданныя въ архивъ пропыленные дѣла.

Другому бы не въ мочь, другой угорить, но какъ разъ именно этотъ - то воздухъ и дѣйствуетъ на Стратилатова благопріятно: хлѣбомъ не корми, дай подышать.*

Разгорячается воображеніе, вылетаютъ слова все игривѣе и забористѣе, да такое загнетъ, небу жарко.

И ужъ не пришепетываетъ, а словно въ бубень бьетъ, молодцевато вытягивается на своихъ жилистыхъ тонкихъ ножкахъ, инда утроба вся вздрагиваетъ.

Стойкій, этакъ встаетъ открыто плѣшью къ солнцу, и она гладкая, смазанная масломъ, маслянистая румянится, какъ обѣ щеки, малиновымъ румянцемъ.

— Не уемный бубень! — взывалъ, трясясь отъ хохота, безногій Адріанъ Николаевичъ.

Когда въ прокурорскій надзоръ стали поступать для уничтоженія конфискованныя книги по статьѣ, какъ говорилось въ протоколѣ, соблазнительнаго ихъ характера, Стратилатовъ, имѣя ходы, получалъ такія неудобныя книги, внимательно строчка за строчкою прочитывалъ и, выудивъ мѣста занимательныя, преподносилъ чиновникамъ къ всеобщему удовольствію и развлеченію всей канцеляріи и такъ же ржалъ, какъ при какой-нибудь Азбукѣ или при Воспоминаніяхъ вдового священника — чтенія довольно излюбленнаго и ходового, и такъ же подымалась вокругъ пыль, летѣли пылинки, точно перетряхивали сданныя въ архивъ пропыленные дѣла.

— Грязный человѣкъ! — такъ отзывался, не иначе, секретарь о Стратилатовѣ, имѣя въ виду эту самую пакдость Стратилатова на предметъ исключительный.

Какъ огня, боялся Иванъ Семеновичъ Лыкова, но это мнѣніе о себѣ пропускалъ онъ мимо ушей, не трогало оно его и не могло уколоть. Слава Богу, за сорокъ-то лѣтъ безпорочной службы носъ его кое-что чувалъ, и пускай Лыковъ — законникъ, пускай аккура-

тень, какъ нѣмецъ, и всѣхъ въ страхѣ держитъ, а все-таки — тутъ Иванъ Семеновичъ отдалъ бы руку на отсѣченіе — Лыковъ революціонеръ.

Революціонеровъ же Стратилатовъ за людей не признавалъ, а такъ за шушера, выдѣляя лишь однихъ декабристовъ.

— Только благородные и могутъ бунтовать, а это все шушера! — вотъ подлинныя слова Стратилатова.

Молодежь — чиновники, не относясь къ Стратилатову такъ брезгливо и строго по-лыковски, насмѣхались надъ нимъ и изводили его, когда ему совсѣмъ было не до смѣха, и чаще при спѣшныхъ дѣлахъ до чаю, за развлеченія же и за то, что давалъ взаймы, пожалуй, даже любили.

Стратилатовское правило всѣмъ хорошо извѣстно: попроси — не откажетъ и расписки не надо и только для порядку, когда ужъ возвратишь долгъ, попросить расписаться, — вытащить изъ кармана сложенный въ восьмушку листъ съ записями и укажетъ твою фамилію:

— Отмѣтьте, что получено.

Мудрое правило, всѣми оцѣненное по достоинству.

И вотъ почему въ три часа, когда изъ суда вываливалась компанія молодыхъ чиновниковъ и притомъ далеко не чинно, а шумно и безалаберно, это значило, что выходитъ Стратилатовъ.

По дорогѣ домой обыкновенно онъ оканчивалъ спутникамъ начатый еще въ судѣ рассказъ, по тонкости своей, какъ всегда, требующій большой выразительности, прерывая свою кудрявую рѣчь, и совсѣмъ не въ ущербъ ей, лишь у церквей, такъ какъ считалъ своимъ долгомъ, поровнявшись съ церковью, обязательно помолиться, а молился Иванъ Семеновичъ долго и усердно.

Такъ мирно въ веселой компаніи да въ пріятныхъ разговорахъ послѣ дневныхъ трудовъ добирался Стратилатовъ до Всѣхсвятской церкви.

Миновавъ Всѣхсвятскій алтарь, окруженный могильными крестами, приходящимися какъ разъ противъ оконъ его гостиной, заворачивалъ онъ на свой дворъ и шелъ по дорожкѣ важно, степенно и благопристойно, какъ подобаетъ чиновнику, заглядывая черезъ свои темныя очки въ окна смежной квартиры полицейскаго надзирателя и предвкушая обѣдъ, щи какія-нибудь го-

рячія, которыя изждались его, упрѣлая въ печкѣ за розовою занавѣскою, какъ изждалась старуха Агапевна, принимавшаяся уже нѣсколько разъ раздувать рыжимъ стратилатовскимъ сапогомъ непослушный пузатый никелированный самоваръ — в а з о й, и, дойдя до амбара, гдѣ хранилась старинная мебель, сундуки и всякіе мѣшки, опять заворачивалъ, ускоряя шагъ при видѣ узенькаго крыльца и покосившейся, обитой войлокомъ и клеенкой, захватанной драной двери.

Откуда и какъ пошелъ Стратилатовъ, въ точности не выяснено. Отецъ его изъ крѣпостныхъ — управляющій въ имѣніи одного изъ крупныхъ, въ послѣдствіи разорившихся помѣщиковъ нашей губерніи, нѣкоего Обернибѣсова, мать обернибѣсовская крѣпостная. А между тѣмъ, самъ Иванъ Семеновичъ не безъ таинственности заявлялъ, что мужицкаго въ немъ ни вотъ эстолько! — и что онъ — дитя дворянское и, какъ на нѣкоторое будто бы неопровержимое доказательство, тоже не безъ таинственности и съ видимымъ удовольствіемъ, указывалъ на это мѣсто, какъ самъ любилъ выражаться, — на свой длинный нась, который за три версты увидишь.

Опровергать не опровергали, никто этимъ не занимался, и самъ вольнодумствующій Адріанъ Николаевичъ какъ будто тоже ничего не имѣлъ противъ, даже наоборотъ, былъ какъ-то особенно заинтересованъ и при случаѣ считалъ своимъ долгомъ высказать собственныя догадки о таинственномъ зачатіи Стратилатова.

Адріанъ Николаевичъ утверждалъ, что это мѣсто — носъ стратилатовскій — ровно ничего не доказываетъ, а если и доказываетъ, то какъ разъ противное: вѣдь и послѣднему дураку ясно наизаконнѣйшее его происхожденіе отъ законнаго родителя — наслѣдство простого чело^вѣка, другое дѣло, будь на немъ родинка или еще какое украшеніе; а что вотъ другое мѣсто и не менѣе выдающееся — стратилатовскія лопухатыя уши, заостренныяверху, подлинно самое настоящее высшей породы — обернибѣсово и, если ужъ ссылаться, такъ именно на уши и отнюдь не на носъ.

Ошибался ли Иванъ Семеновичъ, а Адріанъ Николаевичъ былъ правъ, или, наоборотъ, Иванъ Семеновичъ былъ правъ, а Адріанъ Николаевичъ ошибался, разобратъся въ такомъ мудреномъ дѣлѣ сверхъ силы чело-

вѣческой и лучше всего, да такъ и наитіе подсказывало, положиться на обоихъ, вѣруя тому и другому — и въ нось и въ уши.

Дѣтство Стратилатовъ провелъ въ обернибѣсовской старинной усадьбѣ и воспитаніе получилъ, какъ кажется, подъ стать таинственному своему зачатію.

Смутно и путанно вспоминалъ Иванъ Семеновичъ свои ранніе годы, теченіе которыхъ будто бы складывалось возвышенно и необыкновенно.

Ужъ само крещеніе было наобыкновенно. Крестили его не въ купели, а черезъ шапку. И произошло все это при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Было въ тотъ годъ на селѣ безпоповье — умеръ священникъ, а родился Иванъ Семеновичъ зимою слабенькій — везти такого за сорокъ верстъ въ ближайшій приходъ было невозможно. Послали Егора, столяра обернибѣсовскаго, въ то село къ священнику. А священникъ ѣхать не можетъ — храмовой праздникъ. Что дѣлать? Да, вотъ что дѣлать: окрестилъ батюшка шапку и далъ ее Егору, чтобы тотъ, какъ пріѣдетъ, надѣлъ бы ее на младенца, и ужъ никакого крещенія больше не надо. Спряталъ Егоръ шапку, поѣхалъ, верстъ двадцать отѣхалъ, вывалился на ухабѣ, — имято и забылъ. Повернулъ назадъ и прямо къ священнику, а попъ имени не хочетъ говорить: „Дай, — говорить, — двугривенный, скажу“. Егоръ ему полтину — деньги-то управляющаго! — да на радостяхъ ужъ съ именемъ въ трактиръ, выпилъ, обогрѣлся — шапку-то и потерялъ. Шапченка старенькая, грошъ ей цѣна, да съ пустыми руками тоже вернуться неловко. Едва отыскалъ какую-то, да скорѣе домой. Надѣли ее на младенца, такъ черезъ шапку и окрестили. Вотъ какая исторія!

Росъ онъ смышленнымъ, рано выучился грамотѣ, — скоро она ему въ умъ далась, и умѣлъ изъ ружья стрѣлять, рано пристрастился къ чтенію, перечиталъ много и разнаго, но больше божественнаго, пробовалъ и самъ сочинять, писалъ стихи. Семнадцати лѣтъ по смерти отца своего переселился съ матерью въ городъ, въ домъ всѣхсвятскаго дьякона Прокопія. Изъ деревни вывезено было много всякаго добра и, можетъ быть, оно-то и легло въ основаніе тѣмъ собраніямъ рѣдкостей, какимъ славился Иванъ Семеновичъ, и положило начало его промыслу.

О законномъ отцѣ своемъ Стратилатовъ самъ никогда не вспоминалъ, а на разспросы отвѣчалъ неохотно и говорилъ не иначе, какъ съ какою-то горькою обидою и даже съ презрѣніемъ, и единственно за то, что отецъ простой — мужикъ. Мать же свою обожалъ, ухаживалъ за нею, холилъ, жалѣлъ и берегъ пуще себя, чуть не молился на нее — примѣрнѣе и почтительнѣе не найдешь сына, а послѣ смерти ея сохранилъ самыя трогательныя воспоминанія, и кровать краснаго дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, на которой спала она, стояла подъ чехломъ въ сараѣ неприкосновенно.

— Мнѣ ничего для мамы не жалко, — рассказывалъ, бывало, Иванъ Семеновичъ, — я навѣрное зналъ, что она помретъ, но все-таки шесть рублей восемьдесятъ семь копѣекъ истратилъ на лекарство. Такъ мнѣ скучно было, мѣста не нахожу, некому чаю налить.

Годъ спустя послѣ смерти матери, справивъ поминки, Стратилатовъ женился.

Рассказывали, что въ день свадьбы послѣ вѣнца, когда разошлись гости, провелъ онъ ночь одинъ, затворившись въ гостиной, и, стоя на молитвѣ, боролся съ собою:

— Иванъ, опомнись! Иванъ, побори! — такъ будто бы укорялъ Иванъ Семеновичъ и обуздывалъ себя до самаго утра.

И взошло солнце, и все-таки не поборолъ, за то ужъ на слѣдующій день въ радости пѣсни пѣлъ.

Жену онъ взялъ себѣ молодую, красивую.

Глафира Никаноровна тихая, кроткая, рѣдко слово услышишь и одна забота, что о своемъ Ванечкѣ, да такая усердная и желанная, любо-дорого посмотришь, и по-старинному: руки съ подносомъ, ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, — чего еще, живи, какъ Адамъ въ раю, — а между тѣмъ на другой ужъ годъ Стратилатовъ снова остался въ одиночествѣ.

Надо сказать, что объ эту пору назначили въ нашъ судъ новаго слѣдователя — молодой человѣкъ, весельчакъ, большой шалопутъ и, хоть ни въ какомъ родствѣ не состоялъ съ Стратилатовымъ, фамилія одна и та же — Стратилатовъ.

Бываютъ же такія досадныя совпаденія: живетъ человѣкъ тихо, никого не трогаетъ, всѣ тебя знаютъ и ничего за тобою не числится, и хвать, въ одинъ прекрасный день появляется нѣкто съ твоей фамиліей и все перевертывается — ты ужъ тотъ да не тотъ или не совсѣмъ тотъ, потому что есть еще и другой, дѣли съ нимъ свое имя, дѣли и всякую пакость. И появляется тебѣ этотъ самый съ твоей фамиліей не въ какомъ нибудь головоломномъ фантастическомъ смыслѣ — не отъ разстройства и дурного воображенія, а самымъ живымъ и осязаемымъ образомъ, съ метрикою и даже съ положеніемъ.

Тутъ-то и подымается проклятая мысль: а что если этотъ новоявленный — настоящій, а ты — поддѣлка?

Задумался Иванъ Семеновичъ и сталъ все думать и всякія строить предположенія: что все это значило, и къ чему бы это такое было, и нѣтъ-ли тутъ какого знаменія, и кто настоящій, онъ-ли Стратилатовъ или тотъ, слѣдователь Стратилатовъ? И, ничего опредѣленнаго не рѣшивъ, насторожился.

Все шло по-хорошему, не случилось никакого недоразумѣнія, не было путаницы и подмѣны, и ужъ собирався было Иванъ Семеновичъ къ новому году выкинуть изъ головы всѣ свои опасенія и окончательно утвердиться, что онъ и есть самый настоящій Стратилатовъ, а слѣдователь — поддѣлка. И вотъ, словно бы нечистое что, потянуло его на именины къ Артемію, старому покровскому дьякону.

Какъ всегда, именины Артемія справлялись хмельно и весело. Навалило гостей, хозяина съ ногъ сбили. Много было барышенъ и много подавалось угощенія. Стратилатовъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, набилъ полные карманы лакомствами для своей Глафиры Никаноровны, философствовалъ съ зачатъевскимъ А х и т ѳ е л ѳ ѳ — протопопомъ о. Пахомомъ, щеголяя своею ученостью и въ оборотахъ рѣчи употребляя отборныя слова, вродѣ какого-нибудь паки-те-ченія, онъ-сицы, непщеванія, гобзованія и тому подобныхъ замысловатостей, впопадъ и не впопадъ, а когда стали въ фанты играть, засыпалъ островами, а за верблужьимъ скаканьемъ, какъ выражался Артеміи, — за танцами, смѣшилъ анекдотами, расска-

зами о Карапетѣ Карапетовичѣ и его пріятелѣ, о преимуществѣ новыхъ языковъ передъ древними, про смекалку, жую ремешки и про другіе не менѣе забавные случаи, да такъ и не замѣтилъ, какъ ужинать подали. И вотъ за ужиномъ среди всякихъ шутокъ, когда гости стали похваляться другъ передъ другомъ, расхвастались, слышалось ему, что въ пьяномъ углу заговорили о Глафирѣ Никаноровнѣ, сталъ прислушиваться — такъ и есть, о ней, и все въ выраженіяхъ самыхъ иносказательныхъ и равнодушныхъ, затѣмъ кто-то сказалъ:

— Эхъ ты, слѣпая курица, чего говоришь зря, по уши врѣзалась она въ Стратилатова, ихъ и водою не разольешь.

Выронилъ Иванъ Семеновичъ вилку, какъ обухомъ ударило его по лысинѣ: представился ему вертлявый слѣдователь Стратилатовъ, вспомнились ему всѣ предчувствія, вся тревога, и такъ зарябило въ глазахъ, такое сердце взяло, что самъ бы себѣ языкъ перекусилъ. Подъ предлогомъ внезапнаго внутренняго расстройства, Иванъ Семеновичъ вылѣзъ изъ-за стола вонъ и, сломя голову, безъ шапки, бросился домой.

Какъ добѣжалъ, не помнитъ, бѣшенный ворвался въ домъ и прямо съ кулаками на Глафиру Никаноровну.

— Вонъ, вонъ изъ моего дому!

Та со сна ничего не понимаетъ.

— Куда, — говоритъ, — мнѣ дѣваться?

А онъ ее за косы, да такъ, что косы остались въ его рукѣ, пхнулъ къ дверямъ, да за дверь, да какъ саданетъ колѣнкою съ крыльца:

— Къ Стратилатову, вотъ куда, къ паршивцу своему Стратилатову, чтобы и духу твоего не пахло.

Такъ и выгналъ ни за что, ни про что, и без-косою.

Глафира Никаноровна сама послѣ всю эту исторію всѣмъ рассказывала и со всѣми подробностями, жалуясь на свою горькую, сиротскую долю. Иванъ Семеновичъ молчалъ, и не поминай ему — уши затыкалъ, когда говорили о женѣ его, имени ея не хотѣлъ слышать. А когда, и это еще совсѣмъ недавно, помощникъ Адріана Николаевича, писарь Корявка прошелся съ пьяну на счетъ неудавшихся браковъ вообще,

и хоть имена умолчалъ, но очень ужъ прозрачно, Иванъ Семеновичъ схватилъ чернильницу и пустилъ ее въ Корявку, — въ Корявку не попалъ, промахнулся: у секретарскаго стола грохнулась чернильница и осталось до сихъ поръ черное пятно. Значить и черезъ тридцать лѣтъ все еще кипѣло и мучило, — вотъ какія бываютъ искушенія!

Слѣдователя Стратилатова въ тотъ же годъ перевели отъ насъ, Глафира Никаноровна доживала вѣкъ у своей матери, тихая и кроткая.

Одному оставаться въ домѣ невозможно: и скучно, и неудобно, да и за домомъ надо чтобы присмотръ былъ. Не устроилъ Стратилатовъ себѣ тихаго семейнаго очага, не удалась ему семейная жизнь, ну да хоть какъ-нибудь, а надо наладить жизнь. Тутъ-то и опредѣлилась къ нему Агапевна, и за старостью лѣтъ, никуда не годная, нанялась очень сходно, — не за жалованье, а всего за хлѣбъ, и съ тѣхъ поръ служить ему безотвѣтно и безропотно, вѣрою и правдою.

Замѣчательный человѣкъ Иванъ Семеновичъ, и всѣхсвятскаго дьякона домъ, гдѣ протекають его тихіе, одинокіе дни, особенный.

Домъ небольшой — двѣ низенькія комнаты и кухня, и вездѣ лампадки: въ кухнѣ лампадка, въ спальнѣ лампадка, а въ гостиной двѣ, — въ обоихъ переднихъ углахъ. Иванъ Семеновичъ самъ любитъ зажигать лампадки, Агапевнѣ не довѣряетъ — старая, руки у нея трясутся, и, за что ни возьмется, все изъ рукъ валится, и только въ постные дни, въ среду и пятницу, когда по примѣру Агапевны, употребляетъ Иванъ Семеновичъ натошакъ святое масло, дозволяется ей вскарабкаться на табуретку и взять ложечку изъ лампадки.

Какъ пройдешь сѣни, если, конечно, за сундуки не зацѣпишься и шею не свернешь, будетъ кухня: налѣво шкафъ, противъ шкапа русская печь съ розовою занавѣскою, направо, у окна, залавокъ, посреди дверь въ спальню. И вездѣ, по всѣмъ угламъ, у печки, за шкапомъ, у залавка черствыя хлѣбныя корки сложены. Зачѣмъ понадобилось Агапевнѣ черствыя корки копить, Богъ ее знаетъ.

Бѣда съ Агапевною! А вѣдь какъ старается старая, изъ кожи лѣзетъ, изъ послѣднихъ своихъ кляныхъ силъ трудится, лишь бы только угодить своему соколу — Ивану Семеновичу: ходитъ за нимъ, какъ за малымъ дитемъ, и чтобы сердце его не уныло, охотно сказала бы сказку, да память плоха — годы отшибли, и пѣсню бы спѣла, да голосу нѣту, и что хочешь, — проплясала бы, заплела бы плетень, завилась бы выюномъ, вывернулась, да старыя кости — ноги не слушаютъ, все бы вынесла — грубое слово, только бы изъ его сахарныхъ устъ, нелюбый взглядъ,

только бы изъ его свѣтлыхъ глазъ, приняла бы напрасную смерть, только бы отъ его бѣлыхъ рукъ, а помретъ Стратилатовъ, такъ она къ нему, къ покойнику, какъ къ мощамъ, приложится, и не тлѣніе, благоуханіе отъ его смраднaго трупа послышится ей и, кто знаетъ, исцѣленіе себѣ получить, да и другому недужному здравье вымолить. Ей Богу, заставъ Иванъ Семеновичъ Агапевну по собачьему лаять, либо пѣтухомъ пѣть, не заперечить: взвизгнетъ, залаетъ шавкою, пѣтухомъ прокричить, но отъ этого ничуть не легче. Бѣда съ Агапевною!

Въ прежнее-то время старуха и пироги пекла, а нынче ослабла, ничего не можетъ: того не доглядитъ, другое упуститъ, третье не досмотритъ, только мышей разводитъ.

Хорошо еще, что Иванъ Семеновичъ не взыскателенъ — ему одно: побольше чтобы всего было, да понаваристѣе, а тараканъ-ли во щахъ плаваетъ или лавровый листъ, это ему все равно. Да еще хорошо, что строгій онъ постникъ, всѣ четыре поста соблюдаетъ: и великій постъ, и петровъ, и госпожинки, и филиповки, всѣ двѣнадцать пятницъ, и въ среду, и въ пятницу, и даже понедѣльничаетъ.

— Вотъ, старуха, — скажетъ другой разъ Иванъ Семеновичъ, — мало ты дѣлаешь, а вѣдь хлѣбъ-то ѣшь.

- Такъ, батюшка,
- Много ты ѣшь хлѣба:
- Такъ, батюшка,
- Чаю пьешь много.
- Такъ, батюшка.
- Ты хотъ бы тазъ вычистила.
- Хорошо, батюшка.

Въ жаркіе дни, передъ обѣдомъ, не столько отъ жары, сколько для удовольствія, Стратилатовъ обливался колодезною водою около грядокъ; грядки противъ кухоннаго окна, въ церковной оградѣ, тамъ же и колодезь.

Раздѣвшись въ кухнѣ весь до-нага и запасшись соленымъ огурцомъ, Иванъ Семеновичъ вылѣзаетъ въ окно и, обойдя грядки, становится подъ раkitою. Агапевна съ тазомъ вскарабкивается на табуретку, и начинается омовеніе. И во все время, пока бѣжитъ

вода на его распаренную, смазанную деревяннымъ масломъ, румяную плѣшь, ѣстъ Иванъ Семеновичъ соленый огурецъ, вѣруя, что съ его помощью не прольетъ кровь къ головѣ, и солнца бояться нечего.

Предусмотрительность совсѣмъ не лишняя: солнце какъ разъ въ эту самую минуту призадерживалось, подымало свой осовѣлый, знойный глазъ, жаркое, замирало прямо надъ Иваномъ Семеновичомъ, залюбовавшись-ли на него, а онъ, по-истинѣ, былъ великолѣпенъ во всей своей красѣ съ соленнымъ огурцомъ во рту, или завидуя ему, а удовольствіе, испытываемое Стратилатовымъ, было столь велико, что лопухатая, заостренныя кверху уши его блестѣли.

Рѣдко, однако, обходилось удовольствіе безъ непріятныхъ послѣдствій, но не солнце — отъ него огурецъ защита, причина — Агапевна: то выскользнетъ тазъ изъ ея трясущихся рукъ, то воду прольетъ мимо, то себя обольетъ, то скувырнется съ тазомъ на земь.

— Ты, Агапевна, хоть бы попрактиковалась, — скажетъ въ досадѣ Иванъ Семеновичъ, — зря только воду льешь, еще всемірный потопъ сдѣлаешь.

И вотъ изъ преданности ли, не смѣя ли послушаться приказаній, или изъ страха всемірнаго потопа, Агапевна практиковалась: протаскивала она черезъ окно порожнюю кадушку изъ подъ капусты, ставила ее подъ ракиту, гдѣ Иванъ Семеновичъ становился, вскарабкивалась съ тазомъ на табуретку и поливала. Но путнаго изъ этого ничего не выходило: кадушка обливалась исправно, а Ивану Семеновичу не такъ еще давно чуть было голову тазомъ не проломила.

— Наказаніе мнѣ съ тобою, старуха! — скажетъ другой разъ Иванъ Семеновичъ.

— Такъ, батюшка.

— Крестъ ты мой.

— Такъ, батюшка.

— Ты хоть бы комнаты провѣтрила, не почтово-телеграфное отдѣленіе.

— Хорошо, батюшка.

Обѣдаетъ Иванъ Семеновичъ въ гостиной.

Кухня, спальня, гостиная — такъ идутъ комнаты. Гостиная — самая парадная, и кажется, нѣтъ въ ней свободнаго угла, вся она заставлена и завѣшана.

По стѣнамъ масляныя картины и гравюры въ большихъ старинныхъ рамахъ, акварели, мініатюры, гобелены и на всѣхъ картинахъ и гравюрахъ — красавицы и всѣ, какъ на подборъ, въ соблазнительной своей натурѣ. Одно исключеніе — портреты царей. Есть и другія картины, но онѣ стоятъ повернуты лицомъ къ стѣнѣ, это тѣ, гдѣ отсутствуютъ дамы. И такъ много смотреть всякихъ красавицъ, что сразу не разберешь, гдѣ лицо, гдѣ принадлежность, самъ же Стратилатовъ знаетъ каждый мизинчикъ, каждую ямочку, каждое родимое пятнышко и любовно даетъ объясненія о любой, такія милыя и игривыя, выражаясь по своему, возвышенно, стихами рукописными.

По словамъ Ивана Семеновича, если бы возможно было, онъ обратилъ бы всѣхъ красавицъ въ перочинный ножикъ, и положилъ бы себѣ въ карманъ, чтобы были неразлучны онѣ съ его сердцемъ, или обратилъ бы ихъ въ нарядныхъ куколъ, чтобы играть съ ними, держа всегда у груди.

Какъ только очухаешься отъ картинъ, выступаютъ передъ тобою и другіе предметы. Налѣво отъ двери большой сундукъ, полонъ набитый книгами, отъ сундука по стѣнѣ витрина съ монетами — монеты рядкомъ лежатъ по зеленому полю и все рѣдкія, прекрасной сохранности, всѣ же истертыя — слѣпыя у Стратилатова ходко идутъ на любителя, ну хоть тому же сосѣду Тарактееву, отъ витрины до угла столъ съ портфелями, въ портфеляхъ гравюры на мѣди, другихъ Стратилатовъ не держитъ, и, конечно, всѣ рембрандтовскія, въ углу икона Спасителя — Грозный и Страшный Спасъ. Направо отъ двери горка съ саксонскимъ фарфоромъ, отъ горки по стѣнѣ столъ, на столѣ старинные ларчики, мініатюры и дешевыя соблазнительныя открытки, подъ столомъ довольно увѣсистая укладка, величиною въ объѣмъ, полная серебра и украшений, по бокамъ стола два вѣнскихъ стула; къ углу шкафъ краснаго дерева. Шкафъ особенный съ драгоценностями: тутъ и чашки бѣлыя, какъ сахаръ, съ маленькими розовыми, зелеными цвѣточками, и хрусталь съ вензелемъ червонаго золота, чернильница въ видѣ императорской короны — подарокъ гимназистки Яковлевой, которую, какъ признавался самъ Иванъ Семеновичъ, ровно три года соблазнялъ онъ и ничего не до-

бился, печать Стратилатова, изображающая какъ бы нѣкій перстъ, окруженный надписью: отъ онаго свое начало все воспріяло, наконецъ, золотыя тувельки и старинная чашка въ видѣ яйца на куриныхъ ножкахъ съ золотымъ крыломъ вмѣсто ручки, эту чашку Стратилатовъ никому не даетъ, бережетъ пуше глаза, потому что изъ нея его мать чай пила. На шкапу прихода-расходная книга, куда Иванъ Семеновичъ записываетъ и еженедѣльно подсчитываетъ расходъ свой на милостыню нищимъ, на дверцахъ шкапа старинный оберни-бѣсовскій галстукъ съ кистями. Въ углу икона Божьей матери — Всѣхъ Скорбящихъ Радости, между иконою и шкапомъ старинное оружіе.

Гордость же Стратилатова — овальное зеркало съ овальными углубленіями, шестнадцать разъ отражаетъ.

— Купцы въ ногахъ молили, предлагали сто рублей, не взяли! — гордился Иванъ Семеновичъ непродажнымъ своимъ сокровищемъ.

Зеркало виситъ между оконъ, выходящихъ къ всѣхъ-святскому алтарю, окруженному могильными крестами, передъ зеркаломъ столъ, по бокамъ по стулу, а посредакѣ кресло съ орлами.

Тутъ, усѣвшись на царское кресло между двумя неугасимыми лампадами у Спасителя и Богородицы, передъ чудеснымъ завѣтнымъ зеркаломъ, отражаясь шестнадцать разъ, обѣдаетъ Стратилатовъ.

Кончится обѣдъ, разоблачится Иванъ Семеновичъ — бережно сниметъ съ себя сѣрый люстриновый пиджачекъ, скинетъ долой сапожищи, шваркнетъ ихъ въ уголъ и на боковую. Ложится Стратилатовъ, ложится и Агапевна.

Спальня между гостиною и кухнею — проходная, по стѣнѣ къ кухнѣ — лежанка, возлѣ лежанки колченогая желѣзная кровать съ продавленнымъ тюфякомъ и промасленною, какъ блинъ, подушкою. На лежанкѣ спитъ Агапевна, на кровати Иванъ Семеновичъ.

Тихо и безмятежно спитъ Стратилатовъ. Глубокій крѣпкій сонъ непробудно завѣялъ его легкими крыльями, и кажется, прекращается въ немъ все теченіе жизни, наступало, какъ выражается всѣхъ-святскій дьяконъ Прокопій, всеобщее естества усыпленіе.

Сны Стратилатову сняты рѣдко, а если ужъ надо присниться, то непременно такіе дурные, хоть и вовсе

спать не ложись. Три сна особенно мучили и изводили Ивана Семеновича.

Снится ему, будто ѣдетъ онъ въ золотой колымагѣ Императрицы Елисаветы Петровны, на немъ сѣрый люстриновый пиджачекъ, на головѣ императорская корона и сидитъ будто онъ, развалясь, на высокихъ подушкахъ. Въ окна мелькаютъ дома съ вензелями и вездѣ одно имя, его имя — Стратилатовъ, бѣжитъ народъ за колымагою, кричатъ ура, а онъ себѣ сидитъ, развалясь на высокихъ подушкахъ, ничего не думаетъ, ничего не желаетъ — блаженствуетъ, ура, Стратилатовъ! Но вотъ, какъ сворачивать колымагѣ на мостъ къ бабьему базару, чья-то рука внезапно вытаскиваетъ его черезъ окно и на морозъ. Нѣтъ лошадей, а его, Стратилатова, въ сѣромъ люстриновомъ пиджачкѣ и въ императорской коронѣ, впрягаютъ въ стопудовое дышло и давай погонять. Жилится Иванъ Семеновичъ, трется о стопудовое дышло, весь бокъ облупилъ, падаетъ, опять подымается, выбился изъ силъ, а колымага ни тпру, ни ну. И нападаетъ на него невыразимый ужасъ, начинаетъ кричать и кричитъ благимъ матомъ.

А другой разъ снится ему, будто сидитъ онъ въ своемъ царскомъ креслѣ передъ чудеснымъ заркаломъ и, отраженный шестнадцать разъ, любитъ себя и вдругъ замѣчаетъ, что носъ его скосился на сторону и ужъ не узнаетъ себя: одна ноздря маленькая, меньше игольного ушка, другая огромная, шире шапки — горло сквозъ ноздрю видно. И опять отъ ужаса кричить.

Третій сонъ самый страшный, страшнѣе колымаги и носа. Снится ему, что онъ маленькій и жива покойница мать. Матери будто недосугъ: надо тѣсто ставить, блины печь и не ходячіе, а жилые блины, какъ на поминкахъ. И вотъ уложила она его въ ящикъ, плотно накрыла крышкою и понесла на погребъ и тамъ закопала въ землю. „Ночь обночуешь, а на утро возьму!“ — и ушла. Лежитъ онъ въ ящикѣ — тѣсно, не перевернуться и бокъ колетъ и отъ сырости съ крышки капаетъ на лицо, а утереться нельзя — невозможно руку поднять. А капли холодныя, тяжелыя, упала одна на переносицу, потекла по носу да въ ротъ, а за ней другая. Богородица, Дѣво, радуйся, хочеть выговорить Иванъ Семеновичъ и вмѣсто Богородицы начинаетъ изъ Гавриіады: Въ шест-

надцать лѣтъ невинное смиренье ... И въ ужасѣ кричить, и кричить и знаетъ, что глубоко погребъ — не услышать голоса, да само нутро кричить.

И всѣ эти страшные сны снились ему почему-то подъ двенадесятые праздники, въ простые же будніе дни обыкновенно ничего не снилось.

Тихо и безмятежно спитъ Стратилатовъ. Глубокій крѣпкій сонъ завѣялъ его легкими крыльями и, кажется, прекращается въ немъ все теченіе жизни, наступало, какъ выражается всѣхсвятскій дьяконъ Прокопій, всеобщее естества усыпленіе.

Но вещамъ не до сна въ этотъ послѣобѣденный часъ, и онѣ начинаютъ свою вечернюю жизнь, пока еще не погасъ свѣтъ.

По лѣвую руку отъ лежанки книжныя полки съ журналами — журналы перевязаны полными комплектами и расположены по ихъ важности: Историческій Вѣстникъ, Русская Старина, Русскій Архивъ и въ самомъ низу Вѣстникъ Европы, Русская Мысль. На полкахъ впереди книгъ табакерки и опять дешевыя открытки соблазнительныхъ красавицъ вперемежку съ видами святыхъ мѣстъ. Противъ кровати книжный шкафъ до двери, надъ дверью двѣ олеографіи: на одной нимфа, сидящая на деревѣ, на другой Серафимъ Саровскій съ медвѣдемъ. И опять книжный шкафъ и комодъ съ гравюрами, гравюры на мѣди и, конечно, всѣ рембрандтовскія, и тутъ же всевозможныя душеспасительныя картинки, которыми одаряется по субботамъ сторожъ Лукьянъ. Между шкапомъ и комодомъ передъ окномъ подставка, на подставкѣ гипсовый рыцарь съ мушкетомъ и въ латахъ.

Лукаво глядятъ съ открытокъ красавицы:

„Иванъ Семеновичъ, — подмигиваютъ красавицы, — встань! — и смѣются, какъ бѣсята, все черноглазыя, подзадариваютъ красавицы, — ну же, плѣшняя, да встань!“ — и одна за другою потупляются, какъ Танька Меринъ какая въ Денисихѣ.

И наклоняется съ дерева нимфа, протягиваетъ пальчикъ:

„Стратилатовъ, я — пришла!“

И выходятъ святые отцы, праотцы, великомученики, преподобные, великіе чудотворцы изъ огненныхъ срубовъ и тихихъ келій съ медвѣдемъ и благословляютъ его:

„Мы станемъ тебѣ въ помощь!“

А гипсовый рыцарь съ мушкетомъ и въ латахъ не сводитъ своихъ бѣлыхъ упорныхъ глазъ.

Напрасно! сномъ праведника спитъ Иванъ Семеновичъ, ничто не расшевелитъ его, ничто не тронетъ. И если бы сама синяя страшная тетрадка, втиснутая въ уголъ шкапа между Скитскимъ поканіемъ и Любовью — книжкою золотою, обойдя стороной Походженіе Ивана Гостиннаго сына, Пригожую повариху, стихотворенія Нелединскаго-Мелецкаго, Батюшкова, Подолинскаго, Кольцова, Некрасова и другія любимыя книги и, пробравшись сквозь ненавистнаго ему Толстого, презираемаго имъ Гоголя, умунепостижимаго Достоевскаго и другихъ подобныхъ сочинителей, выльзла бы изъ шкапа, развернулась бы — страшная Гавриліада, любимая и ненавистная, завѣтная и проклятая, да и та не подняла бы его изъ тихаго безмятежнаго сна.

Утихаеъ вечерняя заря, всѣ предметы колеблются, какъ пьяные, и доносятъ вѣтеръ звонъ со старыхъ звонницъ и колоколенъ. Отдается, паритъ звонъ, колоколь съ колоколомъ перекликается — зазвонный, праздничный, буревой, гудъ-колоколь, и плыветъ изъ-за Волги крылатый и плавный лебедь-колоколь. И вдругъ какъ ударятъ въ чугунную доску — задребезжитъ звонило, инда въ вискахъ треснетъ, и ужъ не колоколь — Божій гласъ, это гонять стадо съ полей — разревѣлся быкъ, ржетъ кобылица, звякаетъ глухарь, гремитъ гремокъ, звенятъ бубенцы, раззвенѣлись бубенчики и сквозь звякъ и ревъ свиститъ на ухо птица, свиститъ-пересвистываетъ, экая глупая!

Съ остервенѣніемъ, оглушенный свистомъ, вскакиваетъ Стратилатовъ на ноги, протираетъ слипшіеся мутные глазки, крестится:

— Господи, воззвахъ! — и, сплюнувъ на расхрипѣвшуюся Агапевну, снова завалится на продавленную теплую кровать, — ну еще посплю маленько!

И спитъ тихо и мирно плотнымъ крѣпкимъ сномъ.

— Вотъ, Борисъ Сергѣевичъ, — не разъ жаловался Иванъ Семеновичъ своему пріятелю Зимареву, — старуха у меня Агапевна убійственно храпитъ, точно фельдфебель, не могу выносить: у меня сонъ тонкій,

будкій, вообще люди образованные не могут этого переносить.

Но что подѣлаешь, тутъ и самъ Зимаревъ, даромъ что помощникъ секретаря и всякую древность опредѣлить можетъ, и годъ и число ей скажетъ, да противъ природы и онъ безсиленъ. Противъ природы не пойдешь!

— Ты, старуха, хлѣба много ѣшь, — примется выговаривать Иванъ Семеновичъ.

— Такъ, батюшка.

— Это отъ хлѣба.

— Такъ, батюшка.

— На меня еще подумаютъ и пойдетъ худая слава: хорошъ, скажутъ, чѣмъ занимается!

— Такъ, батюшка.

— Тебѣ грѣшно будетъ, вѣдь это смертный грѣхъ!..

Ты хоть бы попридержалась.

— Хорошо, батюшка.

И вотъ изъ преданности ли, не смѣя ли послушаться приказаній, или изъ страха смертнаго грѣха, пробовала старуха попридерживаться. И минуту — другую еще кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ стерпеть, за то ужъ послѣ какъ пустить — такой храпъ, такой свистъ, у сосѣда Тарактеева каменный домъ, и то слышно!

Бѣда съ Агапивною, и смѣхъ, и грѣхъ.

— Агапевну я рѣшилъ разсчитать, — опять жаловался Стратилатовъ своему пріятелю Зимареву, — выдумала старая: съ печки сверзилась, по прямой дорогѣ итти не можетъ, лѣзла на лежанку, свалилась, чуть меня не зашибла, съ этаккой высоты!

И, вѣчно жалуясь и зарекаясь по конецъ вѣку своему, не станеть онъ держать Агапевну, Иванъ Семеновичъ все-таки и представить себѣ не могъ, какъ бы разстался онъ со старухою. Нѣтъ, Агапевна прижилась къ дому. Агапевну всѣ углы знаютъ и Агапевна все знаетъ, что надо ея барину Ивану Семеновичу. Разстаться съ нею такъ же трудно и, кажется, просто невозможно, какъ трудно и невозможно покинуть низенькія крохотныя комнаты дяконскаго дома, гдѣ похоронилъ онъ свою мать, женился и гдѣ, какъ и всѣ люди, хотѣлъ бы современемъ Богу душу отдать. И

если бы даже подъ сердитую руку, выведенный изъ себя и, можетъ быть, дѣйствительно оскорбленный, прогналъ бы ее, то все равно, на другой, ну на третій день, а ужъ непремѣнно бы хватился, вышелъ бы вотъ такъ въ сумерки на крылечко и .покликалъ бы:

— Агапевна!

— Я, батюшка.

Бульваръ — мѣсто общественнаго гулянья. На бульварѣ Стратилатовъ свой человѣкъ. Съ препятствіями или спокойно и ровно, но всякій день, выпавшись послѣ обѣда до семи, въ семь отправляется Иванъ Семеновичъ гулять на бульваръ.

Порасправившись на свѣжемъ воздухѣ, усаживается онъ гдѣ-нибудь на скамейку между рестораномъ и эстрадою, и сидитъ, развѣясь, какъ на тѣхъ предательскихъ высокихъ подушкахъ золотой колымаги Императрицы Елисаветы Петровны, и не шелохнется, млѣетъ и насвистываетъ, помахивая передъ собою тросточкою, въ пріятномъ ожиданіи съ одною мыслью: не пора ли чай пить?

Проходящимъ по боковой аллеѣ видна его сѣрая жокейская шапочка съ пуговкою да лопухатыя заостренныя кверху уши, безпокойно вздрагивающія всякій разъ на шорохъ женскаго платья.

Не то въ воскресенье, когда вечеромъ на бульварѣ играетъ музыка. Музыка трогаетъ Стратилатова до слезъ, отъ музыки онъ впадаетъ въ ражъ, минуты, кажется, не посидитъ спокойно, а если и присядетъ, то сейчасъ же встанетъ и пошелъ ходить. И что хочешь сдѣлай, хоть ножомъ рѣжь, бѣгаетъ взадъ и впередъ. Къ мысли о чаѣ: не пора ли чай пить? присоединяется пробужденное подъ музыку въ его неугомонномъ сердцѣ неутолимое желаніе, о которомъ онъ высказывается лишь въ трогательныя минуты дружескихъ изліяній и которое ничѣмъ не выгубишь: найти среди гуляющихъ такую молодую хозяйственную дѣвицу, которая полюбитъ его безкорыстно.

И онъ бѣгаетъ, какъ сумасшедшій, будто безглазый, въ своихъ темныхъ очкахъ, какъ-то носомъ, что ли,

высматривая въ нарядной примелькавшейся толпѣ ту, которая полюбитъ его безкорыстно, выкликая ее и вышептывая.

Когда сгущаются сумерки и зажигается, затѣйливо повѣшенная на проволоку между рестораномъ и эстрадою, знаменитая лампочка, бульваръ оживаетъ. Набираются шумно городскіе сорванцы и гуляки, и за крикливою сворою по слѣдамъ ея входитъ что-то подозрительное и скандальное, и бульваръ принимаетъ ту вечернюю воскресную выправку, которая сулитъ мордобой и участокъ. Одобренія и неодобренія начинаютъ высказываться такъ громко и беззапѣнчиво, что **хоть караулъ кричи** — тутъ кавалеръ какой-то бросилъ барышнѣ на колѣни заженную бумажку и та завизжала, словно перерѣзали ей горло, тамъ другой кавалеръ ущипнулъ незнакомую даму, и опять крикъ. Крики, хохоть, смѣшки, шутки, шалости и дурачество.

Стратилатовъ втирается въ самую толчею и, окруженный молодежью: писарями, канцеляристами и всякой мелочью, балагурить на свою излюбленную тему и, дойдя до крайности въ неистовствѣ своемъ, ржетъ.

Но и въ неистовствѣ своемъ подъ разгонную отчаянную музыку осипшихъ инструментовъ, подъ пьяные выкрики изъ ресторана, подъ обрывки визгливыхъ куплетовъ надоѣдливыхъ, повторяющихся и какихъ-то пропащихъ въ родѣ тѣхъ, что поются у насъ изъ году въ годъ —

а это затменіе было въ кабакахъ,
а это затменіе было въ кабакахъ...

— среди всего этого пропащаго затменія и искрою пробѣгающаго тутъ и тамъ самаго безобразнѣйшаго скандала, Стратилатовъ и въ черной толпѣ ищетъ среди гуляющихъ ту, которая полюбитъ его **безкорыстно**, выкликая ее и вышептывая.

— Я кавалеръ, — говоритъ про себя Стратилатовъ, когда въ понедѣльникъ начинаютъ въ судѣ прохаживаться на счетъ какого-нибудь бульварнаго происшествія, — я не позволю себѣ, не бриторылый лоботрясъ, не мальчишка я, Забалуева сынъ, Забалуевъ.

Нагулявшись вдосталь на бульварѣ, къ десяти возвращается Иванъ Семеновичъ домой чай пить.

Стратилатовъ любить чаю попить, и пьеть его помногу, не спѣша, крѣпкій, какъ чернила, съ панскимъ вареньемъ, а чаще съ медомъ — съ липовымъ протопоповскихъ пчелиныхъ сотовъ о. Пахома. Если случится гость, онъ всегда радъ гостю, предложить стаканъ, угостить, потолкуеть, покажетъ рѣдкости и честь-честью проводить до двери. Гости долго у Стратилатова не засиживались: напился чаю и ступай.

За самоваромъ, какъ выходить седьмому чайному поту, появляется музыка: Стратилатовъ на гитарѣ **ма-стеръ**, да и **пѣть**, хоть голосъ не ахти какой, худо-не худо, поетъ съ чувствомъ, съ толкомъ и страстью.

гляжу какъ безумный на черную шаль,
и хладную душу терзаетъ печаль...

— поетъ Стратилатовъ, бренчить гитара.

Съ умиленіемъ слушаетъ Агапевна.

— Что, хорошо?

— Хорошо, батюшка, ужъ такъ хорошо, страсть **какъ**.

— То-то.

что онъ ходитъ за мной,
всюду ищетъ меня
и, встрѣчаясь глядитъ
такъ лукаво всегда?...

— поетъ Иванъ Семеновичъ, бренчить гитара.

Слушаетъ Агапевна, пригорюнилась старая, слеза прошибла, плачетъ.

— Что хорошо?

— Ужъ такъ хорошо, страсть какъ.

— То-то.

Въ будніе дни пѣнію удѣляетъ Стратилатовъ малый срокъ — въ будни дѣла, да и не время, за то въ

воскресенье ужъ сколько душѣ угодно и до прогулки и послѣ прогулки — весь день, будто въ радости, поетъ пѣсни.

Наверстывается ли субота, а въ субботу, отстоявъ всенощную и не заходя домой, отправляется онъ на бульваръ, съ бульвара въ Денисиху — въ Денисихѣ такіе дома беззаконія — и, пробывъ тамъ часть, другой, прямо ложится въ постель, или еще по какой никому невѣдомой причинѣ, только въ воскресенье послѣ заутрени въ Прокопьевскомъ и поздней обѣдни въ Зачатьевскомъ пѣнію конца нѣтъ. И если ужъ сравнить, то не въ обиду будь сказано, соловьемъ заправскимъ, курскимъ соловьемъ заливается Иванъ Семеновичъ, и весь домъ всѣхсвятскаго дьякона, словно лѣсъ по веснѣ, оглашается пѣніемъ. Безпрепятственно, какъ по указу, проникаетъ пѣсня за стѣнку къ надзирателю и вьется ласточкою у Всѣхсвятскаго алтаря надъ могильными крестами.

— Что, хорошо?

— Хорошо батюшка, ужъ такъ хорошо, страсть какъ.

— То-го.

Кромѣ Агапевны, одно время непремѣннымъ слушателемъ стратилатовскихъ пѣснопѣній состоялъ нѣкій художникъ изъ Петербурга, говорившій на пяти языкахъ, какъ самъ о себѣ славилъ.

Появился этотъ Шабалдаевъ или, шутъ его знаетъ, какъ его по настоящему, неожиданно-негаданно, и прямымъ путемъ съ пристани къ Стратилатову. Похвалилъ его рѣдкости, удивился его познаніямъ и начитанности, вкусу и соображенію и расположилъ такимъ образомъ. Похвалой и города берутъ! А кромѣ того, хоть и не обидѣлъ Богъ художника, далъ ему росту, но во всемъ прочемъ пренебрегъ — видъ совсѣмъ не художествен-

ный, гунявый какой-то, жалкій, ну, пиджачишка, правда, франтоватый и воротнички и малиновый бархатный жилетъ, да все такое поистертое и поистрепанное, подъ мышкою портфель съ картинами.

Русскій человѣкъ жалостливъ, разжалобился Иванъ Семеновичъ. А тотъ лисицей.

„Я, — говорить, — не потѣсню васъ: самъ лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а портфель подъ печку.“

И оставилъ его ночевать. Ночь переночевалъ, а ужъ тамъ, метлами гони, не уходитъ. Такъ и водворился.

А прожилъ недѣлю — другую, обжился, обтерпѣлся, оправился — брехунъ и хвастунъ, за милую душу обойдетъ и въ дураки поставитъ, и такой плутъ — такъ и лѣзетъ въ ухо, вотъ какой художникъ!

Иванъ Семеновичъ на службу, а тотъ себѣ по городу шастать, будто картины писать и, хоть никогда кисти въ рукахъ не держалъ — въ портфель-то оказались однѣ картинки, вырѣзанныя изъ Нивы, а все-таки за художника его всѣ принимали.

Народъ у насъ робкій и опасливый.

Стратилатовъ, однако, скоро раскусилъ своего сожителя и большое находилъ удовольствіе выводить его на свѣжую воду, а кстати и поиздѣваться.

Хвасталъ, напимѣръ, художникъ, будто на пяти языкахъ говорить можетъ, да похвальбой не города брать — похвальба хлопушка, хлопнулъ и нѣтъ ничего, оказалось вѣдь ни уха, ни рыла ни въ чемъ не смыслить, кромѣ развѣ брехни своей дурацкой. Хоть и правда говорится, что брехнею свѣтъ пройдешь, а поставитъ ему Иванъ Семеновичъ какой-нибудь вопросъ по русской исторіи — въ какомъ, молъ, году Тушинскій воръ короновался, или чтобы перечислить всѣхъ бывшихъ на Руси скопцовъ митрополитовъ, — тотъ и начнетъ вилять, и сколько ни ссылается на какую-нибудь тамъ княгиню Конкратову, у которой онъ будто бы принять, какъ свой человѣкъ, да на свои знакомства со всякими петербургскими сановниками, художниками и писателями, припертый къ стѣнкѣ, въ концѣ-то

концовъ прикусить языкъ. Гнать бы его тутъ и въ хвостъ и въ голову вмѣстѣ съ его портфелемъ, но Иванъ Семеновичъ не гналъ, а держалъ при себѣ и большое находилъ удовольствіе, затѣвая споры, выказывать свое превосходство.

Ужъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ Стратилатовъ говорилъ ему ты, затѣмъ стригъ его, причемъ выдѣлывалъ самыя различныя прически отъ языческой — язычникомъ, котораго св. Владиміръ крестилъ, и каторжной, выстригивая всю лѣвую половину, а къ правой не прикасаясь, или наоборотъ лѣвую не трогать, а правую на-голо всю выбрѣть, до французской по картинкѣ, подъ какого-нибудь графа Де-ла-Барта или прямо подъ Наполеона, и всегда таскалъ съ собою на прогулку.

— Для оттѣнка вожу, — пояснялъ Иванъ Семеновичъ, — дѣвицы посмотрятъ, сравнятъ, кто лучше.

Спалъ художникъ въ гостиной на сундукъ — портфель подъ голову, за одѣяло пальто, а вмѣсто подстилки какія-то ватшныя вещи Агапевна доставала. Всякій разъ, отходя ко сну, Иванъ Семеновичъ сначала крестилъ его, затѣмъ напутствовалъ и всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ:

— Ты смотри, шутъ гороховый, внизу то-то тамъ книги, а вѣдь ты слабый человѣкъ, взять съ тебя нечего!

Съ годъ прожилъ художникъ у Стратилатова, сопровождая своего благодѣтеля на прогулкахъ и слушая его пѣніе. И вѣдь до чего дошелъ человѣкъ, тамъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ, можетъ-быть, и вправду втиралъ очки тѣмъ же сановникамъ, писателямъ и художникамъ — мало ли дураковъ на земномъ шарѣ! — да и тутъ крутилъ и всѣ его какъ-то опасались, а передъ Стратилатовымъ въ бараній рогъ согнулся. Вздумалось Ивану Семеновичу, чтобы величалъ онъ его не иначе, какъ деспотомъ — деспотъ, молъ, Иванъ Семеновичъ! — такъ и противъ этого не возсталъ.

— Познай грѣхъ свой и безуміе, мошенникъ, — скажеть, бывало, Стратилатовъ, — я твои всѣ пять языковъ покорю.

— Покоряйте, деспотъ Иванъ Семеновичъ, воля ваша.

— Въ тюрьму тебя засадить, шельмеца, въ под-
тюремокъ.

— Сажайте, деспотъ Иванъ Семеновичъ, воля ваша.

— Потрясешь тамъ своими бубенчиками, жульникъ.
Художникъ и на это — на все соглашался.

Такое послушаніе объяснялось очень просто: вѣдь какъ-ни-какъ, а благодаря Стратилатову былъ у художника и даровой ночлегъ и столъ, — обстоятельство очень важное, и при нуждѣ изъ-за одного этого на все пойдешь. Ну куда бы онъ безъ гроша сунулся, кто-бъ его пустилъ къ себѣ съ его дурацкимъ портфелемъ? Правда, мѣста не пролежить, да вѣдь по нынѣшнимъ временамъ всякаго оторопъ возъметь: а что если въ портфелишкѣ-то не картины, а разрывная бомба или какой гремучій студень запрятанъ?

Народъ у насъ робкій и опасливый.

Какъ неожиданно-негаданно появился этотъ Шабалдаевъ или шутъ его знаетъ, какъ его по настоящему, такъ и исчезъ внезапно. Полюбился онъ члену суда — былъ такой пьянчушка членъ въ нашемъ судѣ Просвирнинъ, а полюбился за то, что пьетъ здорово и просить себя не заставитъ, такъ рюмка за рюмкой безъ закуски. Пили они разъ у Бархатова и напился этотъ членъ до упаду, брякнулся съ пьяну на земь и сталъ на четвереньки, никакъ не можетъ подняться, хоть ночуй въ участкѣ. Довель его художникъ до квартиры, получилъ въ благодарность сто рублей взаймы, да и былъ таковъ. И сколько ни искали, — ни тѣла, ни костей его не нашли.

Всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ Стратилатовъ своего сожителя и никакого дѣла ему не было, что сожитель-то вовсе и не художникъ, какъ впоследствии оказалось по справкамъ, и не сыскной агентъ, какъ рекомендовалъ самъ себя полиціймейстеру Жигановскому, а вообще личность темная и притомъ турецкій подданный. Все равно, турецкій подданный или художникъ,

изъ Петербурга онъ или изъ Риги, безразлично, вѣдь больше ужъ не было никого подъ рукою Стратилатова, кто-бы, кромѣ Агапевны, такъ внимательно слушалъ его пѣніе, не было человѣка, передъ кѣмъ можно было бы такъ легко развернуться во всю и безотпорно.

Не такъ давно сдружился было Иванъ Семеновичъ съ регентомъ Ягодовымъ, и большого далъ маху, ужъ думалъ, и живъ-то не будетъ и небо-то ему съ овчинку показалось тогда, — попалъ въ просакъ, что говоритъ.

Не хуже того художника, какъ снѣгъ на голову, свалился Ягодовъ въ нашъ городъ и сразу всѣхъ съ толку сбиль. Его визитная карточка, ходившая по рукамъ, производила на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе.

Композиторъ церковныхъ пѣснопѣній, санкціонированный Святѣйшимъ Синодомъ, имѣющій знаки отличія и прочая А. К. Ягодовъ.

Вотъ она какая карточка!

— Шутка ли, санкціонированный святѣйшимъ синодомъ!

— Пять золотыхъ медалей имѣеть!

— Достали таки мы себѣ человѣка!

— Сто двадцать пудовъ однѣхъ нотъ привезъ!

Такъ и этакъ рассказывалось на всѣхъ перекресткахъ. Потирали руки отъ удовольствія: церковное пѣніе у насъ любятъ и регентами дорожатъ.

Обойдя достопримѣчательности города, послѣ монастырей Прокопьевскаго и Зачатьевскаго, послѣ бульвара и трактира Бархатова, регентъ зашелъ къ Стратилатову. Явился онъ весь въ медаляхъ, показалъ свою визитную карточку и воспламенилъ Ивана Семеновича. Забренчала гитара, пошло пѣніе: пускай, дескать, умный человѣкъ голосъ попробуетъ! — такъ думалъ Стратилатовъ. И не ошибся: регентъ слушалъ внимательно, прослушалъ нѣсколько пѣсенъ и, снова для внушенія, должно быть, показавъ свою карточку, одобрительно потрепалъ по плѣши Ивана Семеновича.

— Не великъ у васъ голосъ, — сказалъ регентъ, — потому что не работали надъ развитіемъ голосовыхъ связокъ, вторымъ теноркомъ пѣть можете.

И съ тѣхъ поръ повадился таскаться къ Стратилатову и все будто пѣніе слушать. Слушалъ не больно охотно и сколько разъ даже прекратить просилъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ развитія голосовыхъ связокъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Иванъ Семеновичъ не ласково, но все-таки давалъ регенту двадцать одну копѣйку, ровно на косушку безъ посуды, а затѣмъ сталъ отвиливать и вовсе отказалъ. Но не въ этомъ заключалась вся бѣда регентскихъ посѣщеній, Богъ съ нимъ, съ вознагражденіемъ, — изрѣдка, ну разъ въ мѣсяцъ, Иванъ Семеновичъ, пожалуй, и далъ бы двадцать-то одну копѣйку, не разорился бы, не въ этомъ дѣло: регентъ всякій разъ смущалъ его своими разговорами и наводилъ на грѣхъ.

Въ одно изъ первыхъ регентскихъ посѣщеній Стратилатовъ, выкладывая передъ гостемъ всю свою ученость, заговорилъ о Пушкинѣ. Регентъ же помнилъ всего-на-всего одну Птичку, но не пушкинскую, а которую еще въ школѣ пѣлъ: Ахъ, попала сь птичка, стой! — да и ту на половину, въ чемъ не преминулъ чистосердечно признаться. И все это оказалось кстати и въ пору — вѣдь Стратилатову только того и надо: желая показать свое превосходство, приналегъ онъ на Пушкина, наставлялъ стиховъ много и все, какъ самъ выражался, эротическихъ.

— Пушкинъ, — сказалъ въ заключеніи Иванъ Семеновичъ, — хорошій человѣкъ, да погубилъ свою душу Гавриладой.

Вотъ ужъ истинно — слово не воробей, выскочить, не поймаетъ: сказалъ Иванъ Семеновичъ о Гавриладѣ и промахнулся. Регентъ почему-то заинтересовался, сталъ спрашивать и, узнавъ суть Гаврилады, уцѣпилъ обѣими руками — съ ножомъ къ горлу присталъ: дай ему переписать. Не желая входить въ какія-либо препирательства — вѣдь не только разсуждать, но и думать о Гавриладѣ Стратилатовъ до смерти боялся — вытащилъ онъ изъ шкапа синюю страшную тетрадку и далъ ее, чтобы только отвязаться. Далъ и ужъ окончательно завязъ, попалъ

въ ловушку и не выскочишь. Регентъ не только переписалъ Гавриладу, но и на зубокъ ее всю выучилъ, да и давай съ тѣхъ поръ передъ Иваномъ Семеновичемъ на память стихъ за стихомъ точать: придетъ вечеромъ чаю попить, возьмется за стаканъ и ужъ съ языка не сходитъ она у него, и хоть бы запнулся разокъ, нѣтъ, слово въ слово, буква въ букву. Иванъ Семеновичъ и не знаетъ, что ему дѣлать, за что и взялся, прямо не въ терпежъ: и въ жаръ - то его бросаетъ, и потъ прошибаетъ, и ерзаетъ-то онъ, а подѣлать ничего не подѣлаешь: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

— Тебя, регентъ, — отмахивается Иванъ Семеновичъ, — тебя за это живьемъ на угольяхъ изжарить, вотъ что, какъ князя Воротынскаго Иванъ Грозный изжарилъ, вотъ что, или въ тебѣ Бога нѣтъ?

А тотъ себѣ бабкаетъ — нашептываетъ, пропади онъ пропадомъ!

Истерзавъ Гавриладу, регентъ принимался за философскія разсужденія и опять нагонялъ такую чуму — приходилось тугу. Гаврилада изъ головы не выходила, а отъ философіи голова трещала.

Сколько вечеровъ изводилъ регентъ Ивана Семеновича головоломнымъ вопросомъ о четвертомъ лицѣ Св. Троицы и о возможности ея пополненія —

— какъ сіе возможно?

Или о какомъ-то съѣздѣ двѣнадцати царей, которые стануть искать правды и закона, зарытыхъ въ какомъ-то курганѣ подъ Полтавой, и когда откопаютъ законъ и правду, будутъ раздаваться даромъ сапоги и притомъ всѣ на одну колодку и всѣмъ и каждому носить обязательно, хотя бы и не по ногѣ —

— какъ сіе возможно?

Или о какомъ-то куриномъ словѣ, которое, если знать —

— такъ все тебѣ можно.

И наконецъ, о надвигающейся кометѣ, хвостъ которой задѣнетъ землю и въ какія-нибудь полминуты —

— всѣ погибнуть, и люди и звѣри.

— А какъ же страшный судъ, ты врешь, — упирается Иванъ Семеновичъ, — годится ли этакъ дѣлать, это не предусмотрено.

— Безъ всякаго суда въ полминуты, — стоитъ на своемъ регентъ, — отъ газовъ.

— Отъ какихъ газовъ? — вскакиваетъ въ ужасъ Иванъ Семеновичъ.

— Отъ газовъ, — тянетъ свое регентъ, — и никуда не скроешься, задохнутся безъ вина пьяные, безъ ума сумасшедшіе, люди и звѣри одинаково, и останется повсемѣстно одна трава-крапива жгучка.

Ну какъ же тутъ не смутиться — комета еще что! — хуже бывала философія, вотъ хотя бы о томъ же шишигиномъ хвостѣ: будто закроетъ тебя шишига хвостомъ и ты пропадешь и, сколько ни ищи, не найдутъ тебя, да и самъ себя не найдешь, или о какомъ-то всеобщемъ и обязательномъ и притомъ искусственномъ погребеніи въ родѣ австралійскаго, и все какъ-то сбивчиво, спутанно, неясно, непонятно и ровно что противъ вѣры — какъ же тутъ не впасть въ грѣхъ?

Одна лишь случайность выручила изъ бѣды Стратилатова. Въ соборномъ хорѣ подъ управленіемъ Ягодова участвовали гимназистки, и вотъ послѣ двухъ-трехъ генеральскихъ спѣвоковъ поступила въ церковное попечительство жалоба, что регентъ обращается съ гимназистками не по композиторски. Попечительство произвело разслѣдованіе и послѣ праздниковъ уволило Ягодова за халатное отношеніе къ дѣлу. Воспользовавшись случаемъ, Иванъ Семеновичъ тотчасъ разнакомился съ пріятелемъ, — предлогъ былъ самый подходящій: и это халатное отношеніе, и то, что на регентской визитной карточкѣ появилась совсѣмъ другая надпись:

*Бывшій паршиваго соборнаго хора регентъ
А. К. Ягодовъ.*

Страшнѣ всякой кометы сталъ Ивану Семеновичу этотъ регентъ, — закаешься и дружбу водить, — доб-

рымъ словомъ ни разу не поминалъ онъ пріятеля. И пусть лучше одни враги будутъ и ты одинъ останешься посреди травы-крапивы, такъ было отчаялся Иванъ Семеновичъ.

Но сердце — не камень, въ самое послѣднее время опять нашелся пріятель — Зимаревъ Борисъ Сергѣевичъ, помощникъ секретаря. Эта новая дружба возникла изъ побужденій совѣмъ другого рода: о томъ, чтобы передъ пріятелемъ показать свое превосходство, не могло быть и рѣчи, да и пѣніе оставалось въ сторонѣ. Художникъ и регентъ, по убѣжденію Стратилатова, въ подметки не годились Зимареву. Во-первыхъ, Зимаревъ — его непосредственный начальникъ и защитникъ его передъ секретаремъ Лыковымъ, во-вторыхъ, такой знатокъ древностей, что любого ученаго за поясъ заткнетъ и, наконецъ, балагурствъ стратилатовскихъ не поддерживаетъ и въ разговоры такіе разные не вступаетъ, будто золотомъ уши завѣшаны, а все по умному и дѣловито, даже до чрезвычайности.

Сухонкій, маленькій, волосъ на головѣ совѣмъ нѣтъ, когда ходитъ, лѣвой ногой подпрыгиваетъ, а какъ усядется рядышкомъ съ Иваномъ Семеновичемъ, да уткнутся оба въ какую-нибудь старинную рукопись или икону опредѣляютъ, уши ихъ сходятся — уши у Зимарева чуть развѣ чѣмъ поменьше стратилатовскихъ.

Съ уваженіемъ относился Стратилатовъ къ новому своему пріятелю, цѣня въ немъ и начальника и ученаго и тишайшаго скромника, совѣтовался съ нимъ, изливалъ свои горести и, хоть тотъ во внуки годился ему, смотрѣлъ, какъ на равнаго себѣ, пожилого, умудреннаго долголѣтнимъ опытомъ, словомъ, видѣлъ въ немъ себѣ ровесника, правда, плохо сохранившагося, но все таки однихъ лѣтъ.

Зимареву, не въ примѣръ прочимъ гостямъ, полагалось немного посидѣть и послѣ чаю и хлѣбъ ему подавался вкусный, настоящій ситный, а не такой, какъ другимъ, что и проглотить не хочется — настоящій кирпичъ, и всякіе крендели и витушки и варенье ставилось не заплѣсневѣлое, а то у Стратилатова варенья большой запасъ: которое заплѣсневѣетъ, сниметъ плѣсень и расходуетъ на угощеніе.

Съ теченіемъ времени Зимаревъ подобно художнику и регенту само собою попалъ какъ-то въ непремѣнные слушатели стратилатовскихъ пѣснопѣній.

— Великое дѣло пѣніе — говорилъ Иванъ Семеновичъ, какъ бы оправдываясь за свою страсть передъ строгимъ, не издающимъ и мышиного писка, молчаливымъ пріятелемъ, — одному пѣть невозможно, грустно одному, Борисъ Сергѣичъ.

*

Обыкновенно вечеромъ послѣ прогулки, напившись чаю и поигравъ на гитарѣ, Стратилатовъ усаживается за книгу и читаетъ до часу. Чтеніе историческое и стихи больше по душѣ ему въ его одиночествѣ, чѣмъ повѣсти и рассказы, которыхъ знаетъ онъ такъ много, что, право, и читать уже нечего. Любимые его поэты — Некрасовъ и Кольцовъ, но выше всѣхъ ставить онъ поэта, которому Фетъ передалъ свой трепетный факель, его считаетъ онъ всемірнымъ поэтомъ.

— Ну и санъ вѣдь высокій! — поясняетъ Иванъ Семеновичъ, привставая всякій разъ отъ избытка почтительности.

Ровно въ часъ закрывается книга, аккуратно ставится на полку либо въ шкафъ на свое мѣсто, и тушится лампа. Усердно помолившись на сонъ грядущій передъ Грознымъ и Страшнымъ Спасомъ, передъ Божьей Матерью — Всѣхъ Скорбѣщихъ Радости, и, поворчавъ для острастки на Агапевну, ложится Стратилатовъ спать, завершая молитвою и воркотнею свой трудовой одинокій день.

— Вѣдь вотъ ужъ я не то, что другой, — любить говорить Иванъ Семеновичъ и самъ съ собою, сладко потягиваясь подъ одѣяломъ, и знакомымъ своимъ среди бѣлаго дня въ канцеляріи, — кто бы въ трактиръ, а вы посмотрите, сколько я перечиталъ, сколько собралъ рѣдкостей, и безпорочная служба, и тутъ и тамъ успѣваю, меня и шишига хвостомъ не закроетъ — не пропаду, потому что человѣкъ я хорошій.

И говоря такъ, Иванъ Семеновичъ ничуть не хвасталъ, да и всякій мало-мальски свѣдущій готовъ былъ обѣими руками подписаться, что дѣйствительно

шишига хвостомъ его не закроетъ и что человѣкъ онъ хорошій. Въ этомъ родѣ всѣ и высказывались и только одинъ единственный разъ начетчикъ купецъ Тарактеевъ, пріятельствующій съ Зимаревымъ по части нумизматики, человѣкъ смышленный и не дуракъ деньгу зашибить, не очень-то лестно отозвался о своемъ сосѣдѣ, и на возраженіе Зимарева, что Стратилатовъ тоже вѣдь человѣкъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Неужели человѣкъ? — и опять усмѣхнулся, — а я думалъ, ш и ш и м о р а.

Нынѣшняя весна выдалась особенная: завѣтная мечта Стратилатова устроить себѣ тихій семейный очагъ готовилась осуществиться. Казалось Стратилатову, что нашлась та молодая хозяйственная дѣвица, которая видѣлась ему въ Денисихѣ, когда бралъ онъ за руку размалеванную Таньку-Мерина, и слушала его, когда разливался онъ подъ гитару пуще соловья, и высматривала со всѣхъ открытокъ, старыхъ портретовъ и гравюръ, которую искалъ онъ, шныряя вечеромъ по бульвару среди гуляющихъ и гулящихъ, нашлась она, наконецъ, недостижимая, недоступная, невысказанная, которая полюбить его безкорыстно.

Нѣтъ, что хотите, а старикъ не спятилъ съ ума, онъ только чувствовалъ, какъ все въ немъ обновляется и подтягивается: вмѣсто малиновой плѣши развѣваются темныя кудри, что такъ нудятъ дѣвье сердце, и заголубѣли глаза и сталъ онъ почти что стражникъ Емельянъ Прокудинъ, стройный такой, осанистый, блѣднолицый съ красными губами, и только что шпоръ нѣтъ.

Выйдя по утру въ обычный свой часъ, Стратилатовъ, самъ не зная чему, вдругъ обрадовался: тому ли, что съ крышъ потекло и галки на крышѣ и потемнѣла всѣхсвятская алтарная стѣна, тому ли, что дьяконъ Прокопій прошелъ въ церковь совсѣмъ на легкѣ въ одномъ подрясникѣ и лишь по привычкѣ обмоталъ шею шарфомъ да нахлобучилъ мѣховую шапку, и пробѣжала баба съ коромысломъ и ведромъ на церковный колодець въ одномъ платьѣ и козловыхъ сапогахъ, и расходилась курица, кудахча: куда-куда яйцо снести?—или все тому же стражнику Емельяну Прокудину, который, стуча шпорами, прошелъ къ надзирателю? Все его радовало и хотѣлось, чтобы всѣ были рады. У каменнаго тарактеевскаго дома съ высокимъ крыльцомъ

онъ остановился было, чтобы духъ перевести, и ему страсть захотѣлось подарить сосѣду какую-нибудь золотую рѣдкую монету, ну петровскій двойной червонецъ, что ли, только сейчасъ, сію минуту...

— Господи, Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми! — шепталъ Иванъ Семеновичъ молитву преподобнаго Ефрема Сирина, слѣдуя по Поперечно-Кошачьей на толкучку.

Въ свой обычный часъ явился Стратилатовъ въ судъ и много разныхъ разностей принесть въ этотъ день съ толкучки — уловъ старины выдался необыкновенно удачный.

Урвавъ минуту отъ переписки, опустилъ онъ руку за стулъ и, вытащивъ изъ груды покупокъ, сложенныхъ въ горкѣ, нѣсколько затѣйливыхъ вещицъ, положилъ ихъ на столъ передъ Зимаревымъ, а изъ бокового кармана складень красной мѣди на самый верхъ.

— Есть дѣвица хорошаго роду, вашъ совѣтъ не мѣшало бы, — наклонившись къ самому уху сосѣда, зашепталъ Стратилатовъ пересохшими губами.

Зимаревъ покосился на разложенныя вещи, красная мѣдь складня кольнула глаза, и очки его вдругъ потуснѣли.

— Вы, Борисъ Сергѣевичъ, человѣкъ положительный, не такъ чтобы ужъ молодой, присовѣтуйте-ка мнѣ: Надеждой ее зовутъ, у Артемія, стараго покровскаго дьякона живетъ, племянница.

А тотъ, утвердительно покачивая головою, бѣгалъ по складню своими тонкими пальцами и перевертывалъ его и къ себѣ такъ близко подносилъ, словно обнюхивалъ.

— Дьяконъ-те пьющій, — продолжать Иванъ Семеновичъ, — во время службы падаетъ, а она тоненькая да бѣленькая, сиротка, сами увидите.

— Такъ, такъ, она самая! — Зимаревъ захлебнулся отъ удовольствія, забрало его за живое: складень оказался рѣдкій, такого онъ давно добивался, вездѣ разыскивалъ — это былъ нашъ русскій Никола, простоволосый, съ церковкою и мечемъ въ рукахъ, Никола Можайскій.

— Хорошаго роду, племянница дьякона... дѣться ей некуда, тоненькая да бѣленькая... — Стратилатовъ поднялся со стула и отъ волненія сталъ гладить себя по плѣши, минуту казалось, что онъ выкинетъ какую-нибудь самую неподобную штуку: либо ударъ его хватить, либо обалдѣвъ, на столъ полѣзеть.

— Голгоѳа! — крикнулъ вдругъ Адріанъ Николаевичъ, указывая на него волосатымъ перстомъ.

И поднялось въ канцеляріи то, что обыкновенно бывало всякій разъ, какъ почему либо являлся секретарь Лыковъ съ запозданіемъ: со всѣхъ сторонъ посыпались на Стратилова дурачества и насмѣшки и пошли глупыя выходки, фыкъ и шмыкъ.

— Эхъ ты, генеральскій носъ! — кто-то пискнулъ изъ пишущей машины.

— Никола Дуплянскій! — отозвалось изъ коридора.

— Аварія! — поддалъ пару безногій.

— Какъ твой Богъ поживаетъ, здоровъ ли? вернулся писарь Забалуевъ.

— Видно, простудился! — хихикнулъ кандидатъ, сосѣдъ Зимарева.

— Гуся ѣлъ да попершилось! — отпустилъ Корявка.

— А я видѣлъ Ивана Семеновича съ двумя дѣвками на бульварѣ! — перекинулъ другой кандидатъ отъ стола Адріана Николаевича.

— Неуёмный бубень! — поддакнулъ Забалуевъ,

— Гекуба, — потянулъ своимъ хищнымъ носомъ безногій, — фальшивый грошъ на тарелку положилъ!

И много еще всякихъ заковырокъ и шпилекъ подпускалось Стратилатову, но онъ, ужъ снова уткнувшись въ переписку, слушалъ лишь краемъ уха и даже ни разу не огрызнулся, какъ огрызался въ такихъ случаяхъ, не сказавъ своего обычнаго: „Прошу васъ заниматься дѣломъ!“ — даже плѣшь не вспыхнула.

Адріанъ Николаевичъ, славившійся высокимъ искусствомъ составлять прошенія, никогда не остававшіяся безъ послѣдствій, ибо отъ роду, должно быть, написано ему было заниматься такимъ художествомъ, закончилъ какую-то важную бумагу, и, выставя впередъ клочковатую рыжую бороду, принялся читать во всеуслышаніе.

Само по себѣ торжественное заканчивалось прошеніе не менѣе торжественно.

— За неграмотную всеподданѣйшую Ксенію Оедорову Пискунову, — смаковалъ безногій, отчеканивая слова, — всеподданѣйше подписался столоначальникъ Адріанъ Николаевъ Хрѣновъ, съ величайшимъ умиле-ніемъ всенижайше прошу къ снисхожденію моему горькому семейству заключающуюся именно я самъ.

— Я самъ, — залопоталъ Корявка, у Корявки языкъ будто въ киселѣ и весь онъ какой-то слизлый, а голова безпросвѣтно въ подпитіи, — я всегда самъ! — и полѣзъ было съ перомъ подписываться.

Но Адріанъ Николаевичъ, грозно поднявъ волосатый перстъ, выкрикнулъ въ ярости и изступленіи:

— Вставай же, поднимайся, пьяная развратная Русь, и принимай въ объятія своихъ враговъ!... — и, отпихнувъ помощника, туго свернулъ прошеніе такъ, что слоновая бумага хряснула, и вдругъ впалъ въ то запойное благодушіе, которое оканчивалось совсѣмъ неблагодушно.

Въ канцеляріи тотчасъ все притихло, и перья чуть-чуть скрипѣли, какъ бы боясь нарушить счастливую, общающуюся большое развлеченіе минуту.

Подперевъ свою сѣдую голову, затянулъ безногій любимую разбойничью пѣсню Ваньки Каина, и пѣлъ ее на голосъ удалую, разгульную, бурную по разбойничьи:

не шуми, мати, зеленая дубравушка,
не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати.
что за утро мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ итти...

— Мирный тихій очагъ... тоненькая да бѣленькая, сиротка, дѣться ей некуда, — шепталъ Иванъ Семеновичъ Зимареву, обсасывая, какъ ложечку съ медомъ, стальное перо и, никого не замѣчая, видѣлъ лишь ее тоненькую да бѣленькую сиротку, чувствовалъ и былъ на все готовъ; расходилось подъ пѣсню сердце: и пусть она сердце его высосетъ и его тѣло изсушить...

И когда появился секретарь Лыковъ и съ помощью сторожей, одноглазаго Лукьяна и Горбунова, не прекращавшій пѣніе Адріанъ Николаевичъ заключенъ

былъ въ архивный шкафъ и тамъ, надрываясь, кричалъ на весь шкафъ и потомъ начиналъ плакать, хныкалъ какъ дитѣ, жалобно приговаривая, что надоѣло ему и тяжело жить, Иванъ Семеновичъ расчувствовался, и стало ему жалко безногаго.

— Плеть обуха не перешибетъ, Борисъ Сергѣевичъ! — сказалъ онъ срыву и громко, мѣтя въ Лыкова, чего никогда бы не позволилъ себѣ, не будь такой сердечной минуты.

у троицы у сергія было подъ москвою:
стояла новая темная темница;
во той ли во новой, во темной темницѣ
сидѣлъ удаленькой добренькой молодчикъ...

— протяжно плакалъ безногій.

Тутъ всѣхъ прорвало, лопнуло послѣднее терпѣніе, кто-то фыркнулъ и пошли хихикать да пересмѣиваться.

Не смѣялся одинъ Лыковъ.

— Удостоите переписать! — говорилъ онъ, обходя столы и подкладывая каждому кипу бумагъ; ключъ отъ архивнаго шкапа висѣлъ у него на мизинцѣ.

Не смѣялся и Стратилатовъ, любившій посмѣяться надъ безногимъ, и не то, чтобы прошло время, а такая, видно, выпала минута.

И за чаемъ выказалъ онъ себя въ этотъ памятный день тоже необычно: изъ своего синяго мѣшочка потчивалъ онъ чиновниковъ сахаромъ и неудержимо болталъ всякую чепуху чепушистую, молитвенно съ восторгомъ какъ-то произнося свои излюбленныя ходовыя словечки, какъ-то съ умиленіемъ, точно слово Божіе, либо высокіе титулы высокихъ особъ. Все естество его было переполнено.

— Господи Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми! — шепталъ Иванъ Семеновичъ молитву преподобнаго Ефрема Сирина, вдругъ останавливаясь на самыхъ интересныхъ мѣстахъ, и снова пускался болтать еще чепушистѣе.

Все естество его было переполнено.

Въ первый разъ увидѣлъ Стратилатовъ Надежду — предметъ своей любви — лѣтомъ на именинахъ у Арте-

мія, стараго покровскаго дьякона. Слаще меду и сахару показалаь она ему.

— Молоденькая такая — шестнадцать лѣтъ — да тоненькая, а какъ стали за ужинъ разсаживаться, разсѣлась — полдивана заняла, на пальчикѣ серебряный перстень съ бирюзой, голубка гурливая! — такъ послѣ передавалъ Иванъ Семеновичъ свое первое впечатлѣніе.

Весь вечеръ онъ глазъ не сводилъ съ нея, подсаживался, смѣшилъ анекдотами, а стали въ салки играть, ее одну салилъ, а въ фантахъ, какъ набирать тройку, она сама его выбрала.

Встрѣчались на бульварѣ — Надежда у портнихи Елены Антоновны работала и постоянно въ воскресенье съ мастерицами на бульварѣ прогуливалась, — гулялъ съ нею. И лѣто и осень и всю зиму ухаживалъ.

Дальше да дальше, попался огонь къ сѣну, залюбилась она ему, что банный паръ, извелся и на себя не похожъ сталъ; и спать ужъ не спитъ по настоящему, все ворочается, — тошно тому, кто любить! — одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредитъ:

— Голубка моя, гурливая!

Агапевна ужъ тайкомъ кота завела. Приучила кота подъ кроватью ночевать, чтобы сонъ нагонялъ. Уляжется Иванъ Семеновичъ, выгонитъ она Ваську изъ-подъ печки, пуститъ подъ кровать.

А Васька такой воркотунъ, заведетъ свою пѣсню: вилы - грабли, сѣно клали — чего еще? — спи, нѣтъ, все ворочается — тошно тому, кто любить! — одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредитъ:

— Голубка моя, гурливая!

Хуже того, какъ узналъ про кота, цѣлую бурю поднялъ:

— Не хочу, — говоритъ, — подъ вилы-грабли спать, не грудной я младенецъ, гдѣ увижу кота, тутъ и задавлю, котъ весь домъ опалить.

И дѣйствительно, Васька за короткій промежутокъ слѣдъ по себѣ оставилъ: всѣ корешки Русской мысли и Вѣстника Европы опалилъ, а, по верхамъ шатаясь, задѣлъ и приходорасходную книгу и кое-кого изъ красавицъ.

Покорилась Агапевна, завязала Васькѣ глаза, отнесла на пустой дворъ, тамъ и покинула.

Еще плоше дѣло пошло, постылы потянулись дни — вчерашнія щи, третьеводнишная каша добрѣе! Стало Ивану Семеновичу по ночамъ представляться, будто не одна у него, а двѣ головы — развѣтвилась шея на двѣ жидкихъ шеи и на каждой по головѣ болтается. Любовь-то безумить! И стонетъ онъ ночь по-медвѣжьи, хоть зови попа да отчитывай.

— Зачѣмъ такъ стонешь, батюшка? — окликнетъ Агапевна.

— Нѣтъ, старуха, пройду я по двору и все прекратится.

И пойдетъ, выйдетъ во дворъ и прямо къ рябинѣ — рябина у могильныхъ крестовъ — влѣзетъ на нее, да сверху и примется спускаться внизъ головою. Любовь-то безумить! И стонетъ онъ ночь по-медвѣжьи, хоть зови попа да отчитывай.

Болитъ сердце, печалью полна его грудь, одна она въ мысляхъ, одну поминаетъ, только ею и бредитъ: — Голубка моя, гурливая!

Набралась страху Агапевна, тайкомъ окуривала его ладаномъ, все боялась, не случился бы грѣхъ: подкараулить шишига да хвостомъ его и закроетъ — наложить онъ на себя руки. Да Богъ далъ, все вдругъ по маслу пошло.

На самую масляницу заходитъ Елена Антонова, будто къ Агапевнѣ, и за чаемъ, расхваливъ Ивана Семеновича за благообразіе его и примѣрность, за жизнь его скромную и воздержанную, прошла на счетъ пьющаго Артемія и сиротки его племянницы, которой дѣться некуда.

— Нечего вамъ одному вѣкъ вѣковать, Иванъ Семеновичъ, — турчала въ уши Елена Антоновна, — вы еще молодцомъ, а отъ Агапевны у васъ грибы по угламъ выросли; взяли бы къ себѣ Надѣрку, все-таки молодой лучъ!

Предложеніе Елены Антоновны было по сердцу и подъ руку Стратилатову, но сразу рѣшиться на такое онъ не могъ: и сердце не терпитъ, и радъ, и до смерти боится — пошли сомнѣнія и не вѣрилось.

„Молоденькая такая — шестнадцать лѣтъ — да тоненькая, а какъ стали за ужинъ разсаживаться, раз-

сѣлась — полдивана заняла, на мизинчикъ серебряный перстень съ бирюзою, голубка моя, гурливая!“ — рассуждалъ самъ съ собою Стратилатовъ, нѣтъ, не вѣрилось.

На первой недѣлѣ Иванъ Семеновичъ говѣлъ и, приобщившись въ субботу, послалъ на провѣдъ Агапевну къ Артемію осмотрѣть племянницу: больше откладывать дѣла нечего, надумался и рѣшилъ.

Ходила развѣдчицею Агапевна и вернулась съ пріятною вѣстью.

— Дюже хороша! Походка павлиная, разговор лебединый! — хваливала Агапевна Надежду, какъ цыганскую лошадь, и подливая масла въ огонь, безповоротнo утвердила Ивана Семеновича въ его рѣшеніи.

Одна была остановка — сама Надежда: какъ посмотреть она на стратилатовское предложеніе и согласится ли переѣхать въ домъ всѣхсвятскаго дьякона Прокопія? Это послѣднее и непустяшное дѣло взялась устроить Елена Антоновна.

Елена Антоновна и не за такое бралась. И ужъ въ началѣ крестопоклонной недѣли все было устроено самымъ благополучнымъ образомъ и безъ всякихъ, словно по шучьему велѣнію.

Въ среду — въ памятный для всѣхъ день, Иванъ Семеновичъ признался Зимареву и закрѣпилъ тогда признание свое подаркомъ рѣдкаго складня Николы Можайскаго, а въ пятницу, показывая пріятелю какую-то старинную вещицу съ толкучки и, по обыкновенію, наклонившись къ самому уху, сказалъ, придавая голосу особенную дѣловитость:

— Надежда согласилась, сегодня переѣдетъ! — и, не сдержавъ ужъ чувствъ своихъ, распустился въ такой павлиній хвостъ, что самъ Лыковъ, принимавшій бумаги, улыбнулся.

Нѣтъ, что хотите, а старикъ не спятилъ съ ума, онъ только чувствовалъ, что ужъ не въ состояніи высиживать до конца въ длинной, низкой закопченной канцеляріи, что не мѣсто ему тутъ за большимъ, изрѣзаннымъ ножами столомъ, а тамъ — на волѣ, гдѣ вотъ тронется — пойдетъ рѣка, и шумятъ прирѣчныя ракиты, и чернѣютъ болотныя кочки, и птицы летятъ. И онъ

въ первый разъ за всю свою сорокалѣтнюю безпорочную службу, подъ предлогомъ внезапнаго внутренняго разстройства, ушелъ изъ суда на двадцать три минуты раньше срока, причемъ о этихъ незаконныхъ двадцати трехъ минутахъ заявилъ отъ полноты чувствъ своихъ не только Зимареву, что, пожалуй, и полагалось, но и писарямъ, Корявкѣ и Забалуеву, и сторожамъ, Лукьяну кривому и Горбунову.

Изъ суда Стратилатовъ повернулъ не направо, къ Поперечно-Кошачьей, а налѣво къ Покровской — въ сберегательную кассу, и, положивъ шестьсотъ рублей на имя Надежды, съ облегченнымъ сердцемъ пустился домой. Его тяжелыя огромныя калоши саженями скрадывали пространство. Онъ мчался во весь опоръ, такъ не то чортъ, птица не поймаешь. Жилистыя тоненькія ножки горѣли, а пестрый платокъ торчалъ краснымъ ухомъ — то и дѣло вынималъ его Иванъ Семеновичъ и обтирался. Проворно поднявшись на крыльцо, крѣпко ударилъ онъ кулакомъ въ дверь и, не передохнувъ, снова ударилъ и ударилъ въ третій разъ — сидѣла на дворѣ куча воробьевъ, всѣхъ спугнулъ.

— Кто, батюшка, кто? — зашамкала за дверью Агапевна.

— Я, старая, отпирай.

Весь горѣлъ отъ нетерпѣнія и все второпяхъ, и обѣдалъ Иванъ Семеновичъ на скорую руку, все на часы посматривалъ — Елена Антоновна общала привести Надежду къ вечеру, а ужъ темнѣло. И спать не легъ.

Бѣлая лебедь не раненая, не кровавленная будетъ у него живьемъ въ рукахъ, а какъ миловать ее будетъ и жаловать!

— Мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подъ носъ Стратилатовъ.

Да и не заснешь, пожалуй. Колченогой желѣзной кровати не было, еще утромъ унесла ее Агапевна въ сарай. На ея мѣстѣ стояла широкая кровать красного дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, а вмѣсто продавленного тюфяка подымался пружинный матрацъ, правда держанный, но за то совсѣмъ, какъ новенькій, алое пушистое одѣяло и гора бѣлыхъ подушекъ.

Бѣлая лебедь не раненая, не кровавленная будетъ у него живьемъ въ рукахъ, а какъ миловать ее будетъ и жаловать!

— Мно-о-о-гая, мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подь-нось Стратилатовъ.

Какъ на Рождество и Пасху, все было прибрано и вымыто, съ картинъ стерта пыль и снята паутина и, кажется, не осталось въ цѣломъ домѣ ни одного паучка. Не день, видно, мѣсяцъ шли приготовления.

Въ гостиной въ чудесное зеркало отражался шестнадцать разъ бѣлый, покрытый камчатною скатертью столъ, круглый мѣдный подносъ съ ко сичкинскими и хаминовскими сладостями и чупраковскими пряниками, и рядушкомъ съ стратилатовскою на раззолоченой рѣшеткѣ чашкою, вмѣщавшей въ себѣ добрыхъ два стакана, завѣтная чашка — яйцо на куриныхъ ножкахъ съ золотымъ крыломъ вмѣсто ручки.

Агапевна хлопотала на кухнѣ, возилась съ пузатымъ никелированнымъ самоваромъ, рыжій стратилатовскій сапогъ ухалъ отъ натуги.

Иванъ Семеновичъ поправилъ лампадки, перетаскилъ укладку съ серебромъ на сундукъ съ книгами, положилъ въ укладку книжку изъ сберегательной кассы — шестьсотъ рублей, запыхался, раскрылъ красный шкафъ, сунулъ въ карманъ печать свою — отъ онаго свое начало все воспріяло, бережно вынулъ золотыя туфельки и, присѣвъ къ столу на царское кресло, тихонько сталъ ихъ на колѣняхъ у себя повертывать, словно прилаживая къ маленькой ножкѣ, непослушной такой и брыкливой, золотыя туфельки.

Скажи только, что хочешь, онъ все отдастъ, будетъ дарить, будетъ охранять на вѣчныя вѣки тѣломъ, кровью и жизнью, скажи только, что хочешь, будетъ служить вѣрно и вѣчно, бѣлая лебедь не раненая, не кровавленная, бѣлая лебедь!

— Мно-о-о-гая мно-о-гая лѣта! — бурчалъ себѣ подь-нось Стратилатовъ.

Тѣснѣе и тѣснѣе становилось ему въ его заставленной, хоть и вымытой, вычищенной и безъ единого паучка, комнатѣ. Душно становилось въ комнатѣ, какъ въ паучиномъ гнѣздѣ, душило нетерпѣніе, какъ тотъ гнѣвъ, что не уложишь, мечъ, что не уймешь, огонь,

что не угасишь, а сердце, прядя волну за волною, въ пылу и трепетѣ заплывчивое неумичиво искликало и изывало . . .

По весеннему ужъ синѣлъ вечеръ на волѣ, темные на таломъ снѣгѣ высматривали кресты отъ всѣхсвятскаго алтаря, черный воронъ вѣрный сидѣлъ на крестѣ. Два луча отъ лампадокъ — отъ Спасителя и Богородицы — скрестившись на золотѣ туфелькѣ, горѣли багряною звѣздою.

Все естество его укрѣплялось и утверждалось и, какъ крѣпкое дерево подъ крѣпкою бурю, упорно уходило въ глубь земли желѣзнымъ корнемъ, богатырскій костякъ вырасталъ въ немъ.

Вспомнилъ ли о чемъ, или спохватился, или кровь разыгралась, выронилъ онъ туфельки, всталъ, и, заложивъ большіе пальцы въ карманы жилетки, будто безглазый въ своихъ темныхъ очкахъ, уставился на себя въ зеркало и, отраженный шестнадцать разъ, улыбнулся — такъ улыбнулся, что большой бѣлый зубъ сверкнулъ въ углу рта, — пуще смерти истома . . .

въ шестнадцать лѣтъ невинное смиренье,
бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
подъ полотномъ упругое движеніе . . .

— шепталъ онъ, не переводя духъ, стихъ за стихомъ изъ страшной синей тетрадки, а два луча отъ лампадокъ — отъ Спасителя и Богородицы — скрестившись на его головѣ, горѣли багряною звѣздою.

Погасъ синій вечеръ на волѣ, потемнѣлъ снѣгъ, почернѣли кресты, черный воронъ вѣрный перескакивалъ съ креста на крестъ, а онъ, не переводя духъ, шепталъ стихъ за стихомъ, и два луча отъ лампадокъ — отъ Спасителя и Богородицы — скрестившись на его головѣ, горѣли багряною звѣздою.

И вдругъ словно со всѣхъ силъ ударилъ его кто: зажмурившись и согнувъ шею, присѣлъ Иванъ Семеновичъ на корточки — шестнадцать разъ за его плѣшью вылядывала Агапевна.

Прошибла старуху слеза, заслушалась стиховъ, какъ пѣнія, плакала:

— Ужъ такъ хорошо, батюшка, страсть какъ!

И долго Иванъ Семеновичъ не отзывался — духъ захватило — долго не раскрывалъ глазъ; мотая головой и обороняясь, поднялся онъ, наконецъ, злѣе зла.

— Старуха, — захрипѣлъ вдругъ словно изъ петли, — вонъ! административнымъ порядкомъ вонъ въ двадцать четыре часа!

Покорно, низко поклонилась Агапевна, высохли слезы.

— Прощай, батюшка! — и пошла.

Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Сколько ни старался Стратилатовъ скрыть счастливую переменѣну своей жизни и какъ ни хитрилъ, скоро о ней стало всѣмъ извѣстно.

— Радуется дворъ, когда рои роятся, радуется поле, когда распускаются цвѣты, радуется гумно, когда хлѣбъ молотятъ; и человѣкъ, когда онъ счастливъ! Виденъ соколъ по полету! — признался какъ-то самъ Иванъ Семеновичъ.

Дождались Святой недѣли, разговѣлись и ужъ на розговинахъ всѣ знали, что живеть у Стратилатова Надежда — Артемія, стараго покровскаго дьякона, племянница, и что живутъ они, какъ въ самомъ настоящемъ, только незаконномъ бракѣ; онъ ее называетъ индюшечка-капуничка, она его — херувимчикъ.

Кстати и некстати начали поздравлять его и въ выраженіяхъ, хотъ и изысканныхъ и почтительныхъ, но не совсѣмъ удобныхъ, а въ отсутствіи секретаря Лыкова предлагали самыя что ни на есть стратилатовскіе вопросы, касающіеся его счастливой семейной жизни и тѣхъ счастливыхъ мелочей ея, затрагивать которыя считается вообще непринятымъ и, кромѣ того, неприличнымъ.

Сходились чиновники изъ всѣхъ отдѣленій суда и толпою и въ одиночку — одни похихикать, другіе же просто глазкомъ взглянуть, даже изъ архива приходили, а ужъ въ архивѣ извѣстно, одни архивные. Интересъ былъ такъ великъ, такъ всѣхъ занимало, что позабылись не только всѣ правила благопристойности, но и всякія исключенія.

Стратилатовъ сначала отшучивался, потомъ дулся и крѣпился, потомъ вышелъ изъ себя и сталъ объяс-

няться. И по его довольно таки сбивчивому толкованію выходило совсѣмъ наоборотъ: Надежда будто бы помѣстилась у него на мѣсто Агапевны и больше не почему, Агапевну же онъ давно собирался вытурить за всякія злонамѣренности — отъ старухи развелись грибы по угламъ и храпитъ она, какъ фельдфебель, и одушливая — кашляетъ, и завела было кота Ваську, чтобы спать подъ вилы-грабли, но что онъ не такой, какъ всѣ, и ничуть не похожъ на охаверника Забалуева писаря, а потому никогда себѣ не позволить какъ дурно, такъ и безнравственно поступить съ сироткою-племянницею дьякона Артемія, которой всего шестнадцать лѣтъ и дѣться ей некуда, и всѣ, кому приходится гнусная мысль о немъ, просто-на-просто съ своихъ же гнусныхъ мыслей все сочиняютъ.

— Свины полосатая и больше ничего! — заканчивалъ Иванъ Семеновичъ, и потъ градомъ лилъ съ его лысины.

Но изъ этихъ объясненій, завершавшихся свиньей полосатой, путнаго ровно ничего не вышло, только совсѣмъ ужъ втяпался. Подняли его на смѣхъ, вѣдь улики всѣ на лицо!

Изъ суда по дорогѣ домой всякій день заходилъ онъ къ Косичкину, либо къ Хаминову, либо къ Чупракову и накупалъ сластей, конфетъ, пряниковъ, чего въ прежнее время никогда не позволялъ себѣ, въ субботу послѣ всенощной ни на Бульварѣ, ни въ Денисихѣ больше не показывался, что вызывало большое неудовольствіе той же Таньки Мери́на, въ воскресенье уходилъ съ бульвара еще засвѣтло и вовсе не дожидаясь разгоннаго марша, наконецъ, кровать красного дерева съ бронзовыми маленькими крылатыми львами и вѣнчиками, замѣнившая его старую колченогую, и нѣжныя прямо райскія чаепитія на крылечкѣ съ Надеждою, смутившія и вогнавшія въ краску самого Забалуева, а Забалуевъ, какъ извѣстно, хорошему тону, изящнымъ манерамъ, свѣтскому обращенію и танцамъ обучался не больше, не меньше, какъ въ Денисихѣ. Что теперь станешь говорить?

Случай же, происшедшій на Ивана Купала въ день ангела Ивана Семеновича — столкновеніе его съ всѣхъ-

святскимъ дьякономъ Прокопіемъ — и слѣпому глаза открылъ. А столкнулся онъ съ дьякономъ по сущему пустяку.

Ни въ одной церкви нѣтъ такого стеченія богомольцевъ, какъ за поздней обѣдней у Всѣхсвятской. Валою валитъ народъ, дотору нѣтъ, ровно въ Прокопьевскомъ, когда поднимаютъ чудотворную икону Феодора Стратилата, и не протолкаешься. Много народа съѣзжается и сходится не только городскихъ, но и подгороднихъ и даже изъ дальнихъ деревень. Въ церкви тѣсно, стоятъ и на паперти, и въ оградѣ у церковнаго колодца, возлѣ стратилатовскихъ грядокъ, не малая толчея.

Всѣхсвятская церковь древняя обиденная — въ сутки выстроена міромъ по обѣту послѣ чумы, служба долгая, пѣніе хорошее, о. Михей видный, истовый и рѣчистый — брюхо выше носу подымается. Все это вѣрно и правильно. Привлекаетъ же богомольцевъ дурочка сестрица Матрена.

Бываютъ такіе люди и совѣмъ невзрачные и съ лицомъ самымъ зауряднымъ, но стоитъ имъ улыбнуться, и всѣ ихъ черты станутъ прекрасными и, глядя на нихъ, становится легко и весело, или войдетъ такой незамѣтный совѣмъ, а заговорить, и притомъ самое простое немудреное, и вдругъ какъ-то вырастетъ, и отъ словъ его просторно тебѣ, а то бываютъ и такіе, только взглянуть — взгляда довольно, и становится легко и весело. И вотъ эта-то радость, которою полна улыбка, слово и взглядъ, должно быть, и привлекаетъ къ себѣ. За такими идетъ народъ.

Дурочка Матрена не молоденькая — лѣтъ тридцать ей, не меньше, но личико у ней дѣтское, а когда морщится, точно какого-то звѣрка напоминаетъ — бѣлку, вотъ кого! Платья на ней яркія, — то голубое, то алое, то канареечное, то пунцовое, на головѣ теплый платокъ, сѣрый, пушистый черными кругами, а какъ спустить его — закроется вся, даже жутко станетъ.

Еще обѣдня не отойдетъ, выйдетъ она въ ограду, сядетъ на камень у колодца, а за ней народъ. Окружатъ ее; кто перекрестится, копѣйку у камня положить, поклонится и опять станетъ, а кто такъ стоитъ смо-

трить. Ждутъ. Сидитъ она на камнѣ — глаза у ней свѣтлые, ну, право же, каждый звѣрокъ, каждая птичка, солнце, дождикъ, звѣзды, луна завели бы съ ней ласково бесѣду, какъ съ малыми ребятами.

— Сестрица! — вдругъ заговорятъ изъ толпы.

И она примется рассказывать и словно отъ какой-то большой радости, какъ дѣти, запыхавшись: то торопится, то протягиваетъ, путаетъ, но отъ каждого слова легко и такъ, что, кажется, и травѣ, и камню, и водѣ легко.

Рассказываетъ она изъ житій и евангелія, о рождествѣ любитъ рассказывать, какъ вела звѣзда волхвовъ: заснутъ волхвы и звѣзда заснетъ.

— Не проспите свою звѣзду! Или ужъ нѣтъ звѣзды?

— Видимъ, сестрица!

— Помоги намъ, сестрица!

— Вонъ она, сестрица!

А то сказку заведетъ про козу — которая все ѣсть проситъ и сколько ее ни корми, все голодна, и о пѣтушкѣ, какъ пѣтушка лисица горошкомъ заманивала, чтобы только въ окно пѣтушокъ выглянулъ, а горошекъ-то вкусный, а зубы-то у лисы острые, и опять про козу, какъ бѣжитъ она за кленовымъ листочкомъ полбока-лупленая, и какіе такіе люди есть — облупили полбока козѣ! — свистуны люди, какъ сохляя листья, сгребетъ ихъ дворникъ и въ яму, и опять о пѣтушкѣ: обманула горошкомъ лиса, унесла пѣтушка и съѣла, и вдругъ про рѣки, какъ текутъ онѣ полноводныя, сильныя, какъ серебро свѣтлыя, да гульливыя, ни песками, ни кореньями, ни камнями не держатся, и про птицъ, какіи онѣ птицы — голуби...

— Рѣки текутъ, сестрица!

— Голуби птицы, сестрица!

— Ты наша, сестрица!

И опять про козу: пасетъ ее старая-престарая старуха и не знаетъ старуха, что ей-дѣлать, мало у ней хлѣба, а все ѣсть проситъ, все голодна коза.

— И я не могу накормить васъ, а вѣдь вы голодны!

— Мы сыты, сестрица!

— У меня и ложекъ не хватитъ... — а сама глядитъ, улыбается, алый румянецъ покрываетъ блѣдность,

и становится легко и такъ, что, кажется, и травѣ, и камню, и водѣ легко.

— Спасибо тебѣ, сестрица!

— Не покидай насъ, сестрица!

— Ты наша, сестрица!

Стратилатовъ возвращался отъ поздней обѣдни — въ день своего ангела онъ находилъ болѣе умѣстнѣе помолиться не въ Зачатьевскомъ, а у Іоанна Предтечи — настроеніе у него было самое именинное. Протолкавшись сквозь толпу, онъ тоже остановился не подалеку отъ камня.

Дурочка ужъ кончила рассказы — стали понемногу расходиться — она сидѣла неподвижная, какъ камень, съ плотно закрытыми глазами, и вдругъ камнемъ упала на землю. Кто-то бросился за водою, чтобы подать ей напиться, но всѣмъ хорошо было извѣстно, что она просто дуритъ и представляется, и будетъ биться и стонать до тѣхъ поръ, пока дьяконъ Прокопъ не принесетъ ей воды.

— Ужъ впрямь дурья порода! — сказалъ какой-то косоглазый въ поддевкѣ.

— Камнемъ васъ тамъ окаянныхъ надо! — отозвалось съ другого конца.

— Сѣла баба на кота, поѣхала до попа... Съ днемъ ангела, Иванъ Семеновичъ! — подмигнулъ прощившій съ барышнями фельдшеръ Жоховъ, пріятель Забалуева.

Иванъ Семеновичъ кивнулъ фельдшеру, благодушно разсматривая дурочку.

И когда явился дьяконъ съ ковшомъ, она, какъ раньше чѣмъ не бывало, поднялась съ земли и, жадно взявъ полный ковшъ, такъ стала уморительно морщиться, носъ морщила, что, глядя на нее, всѣ точно также носъ заморщили.

— А кого ты, Матрена, во снѣ видѣла? — съ улыбкой пристала дьяконица.

— Дьякона.

— А какъ же ты, милая, его видѣла? — не отставала дьяконица.

— А видѣла я, — почти пропѣла дурочка и вдругъ упала вся своимъ сѣрымъ пушистымъ съ черными краями платкомъ, — видѣла я, будто купаемся...

Взрывъ хохота заглушилъ слова, во всю мочь готаль дьяконъ, пищала дьяконица.

— Бываетъ же такая погань, — съ омерзениемъ сказалъ Стратилатовъ, — къ духовному сану никакого уваженія! — и плюнувъ, пошелъ къ грядкамъ.

— А твоя Надерка шлюха гулящая! — пустилъ дьяконъ, гогоча въ слѣдъ: ужъ такъ разыгрался.

— А вотъ я тебя, дьяконъ, застрѣлю, — обернулся Иванъ Семеновичъ и быстро-быстро зашмыгалъ по грядкамъ къ дому.

Гоготъ между тѣмъ не унимался: дурочкинъ сонъ и стратилатовская угроза довели его до неистовства: какая-то кликуша залаяла.

Но Иванъ Семеновичъ не заставилъ себя ждать, словно изъ-подъ земли выросъ онъ съ большимъ грузинскимъ пистолетомъ, украшеннымъ тонкою рѣзью. Онъ шелъ прямо къ дьякону и въ шагахъ пяти остановился, поднялъ пистолетъ и сталъ цѣлиться.

И тотчасъ все притихло, одна лишь кликуша лаяла.

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! — зашептали старухи, расползаясь, какъ слѣпые щенята отъ матери.

— Ты попробовалъ бы лучше изъ палки выстрѣлить, авось вѣрнѣе! — дьяконъ скорчилъ рожу, будто передразнивая, и сталъ пятиться.

А Иванъ Семеновичъ упорно цѣлился, и казалось, вотъ сію минуту спустить курокъ, раздастся выстрѣлъ и конецъ дьякону.

Дьяконъ вдругъ задрожалъ весь и, высунувъ языкъ, какъ-то присѣдая, словно на перебитыхъ ногахъ, съ высунутымъ языкомъ пошелъ прочь.

Такъ пропалъ дьяконъ за крестами, окружающими всѣхъ святскій алтарь, и осталось у камня всего нѣсколько душъ: какія-то деревенскія бабы съ узелками, и съ ними кликуша, которая лежала теперь ничкомъ на травѣ, да нарядная барышня Спицына, дочка купца Спицына, опекавшая дурочку, да сама дурочка, — она сидѣла на камнѣ, держала на колѣняхъ платокъ и плакала тихо, какъ дѣти, у которыхъ отняли игрушку.

А Иванъ Семеновичъ все стоялъ и цѣлился. И должно быть такъ въ оцѣпенѣніи съ пистолетомъ въ

рѣшѣ простоялъ бы до вечера, до ночи, если бы не пробудилъ его голосъ Надежды. Надежда, перевѣсившись изъ окна, съ сердцемъ кричала, чтобы шель скорѣй чай пить — пирогъ поспѣлъ.

— Мерзавецъ, долгогривый песъ! — очнулся Иванъ Семеновичъ и пошелъ къ дому, тяжело передвигая свои огромныя калоши.

Эхъ, въ прежнее-то время въ обернибѣсовское, въ тѣ ранніе годы, когда еще жива была покойница мать, какъ весело проходили именины! Насталъ сѣнокосъ, напускалась, разгуливала острая коса въ мягкой травѣ, сметали сѣно въ стога, легъ бы подлѣ стога или сѣлъ бы верхомъ на коня, поднялся бы конь, только топъ стоитъ. Сколько въ лѣсѣ деревьевъ, сколько прутьевъ на деревѣ, сколько на каждой вѣткѣ зеленыхъ листьевъ, все узналъ бы, весь лѣсъ объѣхалъ бы.

Но теперь не до того: другая пѣсня! Именины не въ именины пошли.

На слѣдующій день послѣ столкновенія, на свои черствые именины, Стратилатовъ перебрался на новую квартиру къ сосѣду Тарактееву въ каменный домъ съ высокимъ крыльцомъ.

Не хотѣлось ему разставаться съ своими комнатами, трудно было, а пришлось, не хотѣлось и вещамъ трогаться съ мѣста, за столько-то лѣтъ насидѣли мѣстечко, а пришлось. Просто взбѣсилась Надежда, кричала она озвѣрѣлая на всю Поперечно-Кошачью, что дня не останется въ дьяконскомъ паучиномъ гнѣздѣ, гдѣ и не житье ей, а смерть — осрамилъ ее дьяконъ! — овала и метала, въ горячахъ кокнула завѣтную чашку съ золотымъ крыломъ, напустилась со зла на Ивана Семеновича, давай колотить его да хлестать по ушамъ, щипала до синяковъ, такъ разбушевалась, такъ раскочилилась, вотъ глаза выцарапаетъ, хотъ веревкою крути. Такъ и покинулъ Иванъ Семеновичъ въ угодность Надеждѣ свой старый дьяконскій домъ.

Переѣздъ на новую квартиру и вся злополучная исторія съ обстрѣленнымъ всѣхсвятскимъ дьякономъ вызвали новые толки, а разговорамъ, всякимъ шуточкамъ и насмѣшкамъ конца не было. Увѣряли, что изъ стратилатовскаго пистолета лѣтъ ужъ двѣсти никто не смѣлъ да и заряжать такой грузинскій невозможно: безъ пороха разорветъ; смѣялись надъ дьякономъ, ко-

торый стрелкача задалъ въ виду огнестрѣльнаго орудія, и что дурочка сестрица Матрена за это разлюбила своего дьякона, съ особеннымъ же удовольствіемъ и довольно откровенно передавались подробности самого переѣзда: какъ стражникъ Емельянъ Прокудинъ помогалъ вещи перетаскивать и какая награда досталась ему за усердіе.

— Голгофа, — взывалъ Адріанъ Николаевичъ, указывая волосатымъ перстомъ на Стратилатова, — рога-тая ты плѣшь.

Но Ивану Семеновичу совсѣмъ не до роговъ было, весь поглощенный устройствомъ своего новаго угла, онъ только и думалъ, какъ и гдѣ разставить ему вещи, которыхъ оказалось и много да и не послушныя какія-то. Всякія издѣвательства, всякіе назойливые вопросы разъ-отъ-разу отскакивали отъ него, какъ отъ стѣны горохъ. И признался ли бы онъ въ концѣ-то концовъ, что живетъ съ Надеждою вовсе не какъ братъ съ сестрою, а вѣдь въ сущности всѣмъ только и хотѣлось, чтобы онъ признался въ этомъ, или же, потерявъ послѣднее терпѣніе, прибѣгъ бы къ своей чернильницѣ и зачернилъ бы въ канцеляріи весь полъ пятнами, а можетъ быть, вооружась по самые зубы, опять за пистолетъ взялся бы, но ужъ, конечно, за самый скорострѣльный, объ этомъ никто не думалъ, да и думать не стоило — все кончилось само собою.

Какъ лишь случай когда-то спасъ Ивана Семеновича отъ регента Ягодова, и регентскихъ злопагубныхъ нашествій и Ягодовскій богопустной философіи, такъ и теперь выручилъ его, но ужъ не случай, а цѣлый рядъ событій да такихъ важныхъ — на весь городъ.

Женскій Зачатьевскій монастырь послѣ древняго Прокопьевскаго первый. Въ его прошломъ числилось за нимъ не мало заслугъ и много прелюбопытныхъ исторій: онъ и отъ враговъ спасалъ и просвѣщеніе насаждалъ, за его высокими стѣнами умирали въ заточеніи узницы и простыя смертныя и такія, при имени которыхъ Стратилатовъ непременно бы привсталъ, одно время хлыстовство процвѣтало въ немъ, но всѣ эти доблести давнымъ давно поросли быльемъ, монастырь пришелъ въ запустѣніе и шла жизнь хозяйственная, сварливая — монастырская.

Еще въ концѣ прошлаго года вдругъ заговорили о монастырѣ, говорили съ уха-на-ухо, а слышно было съ угла-на-уголъ. Прошла молва, что творится въ монастырѣ что-то необыкновенное и притомъ такое, что и подумать страшно.

По ночамъ будто бы подымается шумъ, появляется нечисть и скверна — вредныя насѣкомыя, жабы болотныя, псы смердящіе, мыши летучія, скорпіоны и всякіе гады земноводные, отъ которыхъ и стонъ и крикъ по кельямъ стоитъ, но мало того, въ трапезной будто бы всѣ предметы ни съ того, ни съ сего сами собою ворочаются: падаетъ посуда съ полокъ, вылетаетъ пестикъ изъ ступки — зазѣваешься, огрѣбешь по затылку! — выскакиваютъ изъ печки горящія дрова.

Зачатьевскій протопопъ о. Пахомъ — А х и т о - ф е л ѣ сбѣжалъ отъ страху, когда, войдя въ трапезную молебень служить, увидѣлъ шествующій ему навстрѣчу огромный пустой сапогъ, а какая-то лежащая корзинка такъхватила дьякона въ спину, что въ бѣдняги всѣ печенки отшибло и къ Пасхѣ преставился.

А затѣмъ стало извѣстно, что въ самое наикрачайшее время кто-то надругался надъ всѣми монашками и такое попущеніе объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ огненнымъ искушениемъ, которое будто бы нападаетъ по ночамъ на монашекъ и нѣтъ отъ него никакого избавленія.

Нашъ полиціймейстеръ Жигановскій, любившій называть себя Понтіемъ Пилатомъ, человѣкъ прямой и отважный, вывѣдавъ черезъ особыхъ поручныхъ суть дѣла, задумалъ расправиться по-своему.

А дѣло-то было не безъ грѣха: оказалось, что нечисть и скверна — всѣ эти появляющіеся гады земноводные, не болѣе, какъ басня, пущенная лишь для отвода глазъ, а путешествующій сапогъ съ летающей корзинкой — ловкая продѣлка; въ дѣйствительности же по ночамъ монашки опускали съ монастырской стѣны корзины и подымали въ этихъ корзинахъ къ себѣ въ кельи своихъ кавалеровъ, а затѣмъ ужъ слѣдовало огненное искушеніе.

Немедленно же нагрянуть врасплохъ и поразить всѣхъ на голову, вотъ что занимало полиціймейстера, извѣстно, Жигановскій: два часа въ сутки спитъ, и всѣ жулики ему повиновались.

По обыкновенію, долго не раздумывая, неожиданно подошелъ онъ ночью къ монастырской стѣнѣ, засѣлъ въ корзину и благополучно сталъ подниматься. И ужъ въ корзинкѣ, покручивая лихіе свои жигановскіе усы, рисовалъ въ воображеніи цѣлыя картины: какъ всѣ потрясены будутъ, какой кавардакъ выйдетъ — битва, разгромъ, пораженіе. И вотъ на самомъ на верху, когда оставалось только вылезать и дѣйствовать, монашки, заглянувъ въ корзинку, съ ужасомъ узнали полиціймейстера, затабунились воронами, зачали да отъ страха и выпустили веревку: корзинка — внизъ, а съ ней и Жигановскій, да такъ съ высоты и брякнулся о землю, — тутъ ему и смерть приключилась.

Геройская гибель Жигановскаго стала притчею во языцехъ: только о полиціймейстерѣ и было разговоръ. И былъ по немъ отъ всѣхъ великій плачъ, какъ выражался, передавая событіе, Иванъ Семеновичъ.

Не успѣли сорокоустъ справить, произошло другое событіе, поднявшее шумъ вокругъ себя не меньшій.

Чиновникъ изъ судейскаго архива Страстотерпцевъ, не уступавшій въ своемъ пристрастіи къ чаю самому Стратилатову, коротая вечерокъ въ трактирѣ Бархатова съ чиновникомъ Предтеченскимъ, побился объ закладъ на полтора рубля, что выпьетъ за одинъ присѣстъ пятьдесятъ чашекъ чаю.

Предтеченскій согласился, ударили по рукамъ и потребовали чаю. Случившійся у сосѣдняго столика бывшій регентъ паршиваго соборнаго хора Ягодовъ, какъ отрекомендовался регентъ, и его закадычный другъ, гармонистъ Молодцевъ, вызвались **быть свидѣтелями**. Бывшій регентъ наливалъ, а гармонистъ **отмѣчалъ выпитое**.

И тридцать девять чашекъ Страстотерпцевъ выпилъ, не крикнулъ, опрокинулъ и сороковую, взялся за сорокъ первую, поднесъ ужъ блюдечко къ губамъ, сталъ было дуть, чтобы не такъ горячо, да вдругъ какъ хлынетъ вода изъ ушей, изо рта, изъ носа — изъ всѣхъ отверстій, пошатнулся, выпучилъ глаза и упалъ, да такъ весь и изошелъ водою.

А немного спустя послѣ похоронъ Страстотерпцева случилось такое, что, какъ говорилъ Иванъ Семеновичъ, не случалось съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ.

Среди бѣла дня гимназистка Вербова, исполняя приговоръ мѣстнаго революціоннаго комитета, застрѣлила по ошибкѣ, вмѣсто губернатора, отставнаго полковника Аурицкаго, а въ ту же ночь арестованъ былъ секретарь Лыковъ и подъ усиленнымъ конвоемъ препровожденъ въ Петербургъ.

Да кому же послѣ всего этого пришло бы въ голову заниматься Стратилатовымъ! И что такое Стратилатовъ теперь? Шишимора, — не больше. Такъ въ одинъ голосъ сказали бы.

Бросили Стратилатова, забыли Стратилатова, остались въ покоѣ всякія еѣ похождения, и жила-ли у него надежда или никакой Надежды никогда и на свѣтѣ не существовало, все это было такъ далеко, такъ неважно и глубоко неинтересно.

Иванъ Семеновичъ чувствовалъ себя, какъ нельзя чше, теперь уже безпечно, счастливо и невредимо идетъ его жизнь. Исторія съ Страстотерпцевымъ его

ничуть не тронула, пожалуй, даже вызвала нѣкоторое
брезгливое чувство.

— Это все равно, что утопленникъ, самъ въ себѣ
утопъ, Богъ наказалъ за жадность, — отзывался Иванъ
Семеновичъ.

Полиціймейстера Жигановскаго вписалъ къ себѣ
за упокой въ поминанье рядомъ съ низложеннымъ пор-
тугальскимъ королемъ, а за отставного полковника
Аурицкаго поставилъ на канунъ свѣчку.

За то какъ торжествовалъ онъ, что арестованъ,
наконецъ, Лыковъ, — неподкупный и неуклонный Лыковъ,
державшій голову повыше самого прокурора и чуть-ли
не знавшій то самое куриное слово, если знать ко-
торое, то все тебѣ можно! Вѣдь, это же Иванъ Се-
меновичъ первый открылъ, что Лыковъ — революціо-
неръ; и, если о своемъ открытіи не говорилъ при всѣхъ
громко, а только шопотомъ, признаваясь на духу
о. Михею, то исключительно изъ уваженія и страха
передъ начальствомъ: какъ-ни-какъ, а секретарь —
начальство, и не маленькое.

Скоро выяснилось, что Лыковъ обвинялся въ орга-
низации вооруженнаго возстанія. Иванъ Семеновичъ,
ничего не имѣя противъ, съ удовольствіемъ добавлялъ:

— И въ экспроприации.

По его наблюденіямъ Лыковъ отнюдь не спроста
ходилъ мимо сберегательной кассы.

— Конечно, — говорилъ Иванъ Семеновичъ, —
хотѣлъ ее ограбить.

А время шло своимъ чередомъ, какъ шло при
Лыковѣ, а теперь безъ Лыкова, не обращая никакого
вниманія, кто правъ и кто виноватъ, гдѣ ошибка и гдѣ
правильно.

Пришла на дворъ осень. Дни были теплы и ясны —
суха земля, а ночи теплы и тихи — частыя звѣзды.
До Рождества Богородицы простояло тепло, а за бабымъ
лѣтомъ стала погода мокрая, пошли дожди.

Стратилатовъ приторговывалъ себѣ шубу — онъ
рѣшилъ ознаменовать свою новую жизнь: одѣться по
новому — и, облюбовавъ какую-то енотку, всѣмъ и
каждому старался сообщить о своей покупкѣ, а кстати
и посѣтовать на всеобщее вздорожаніе продуктовъ.
Но никто не обращалъ никакого вниманія на его раз-

глагольствованія, и даже Зимаревъ, исправляющій должность секретаря, и оказавшійся достойнымъ преемникомъ Лыкова, какъ-то не по-пріятельски велъ себя.

Участь Лыкова занимала всю канцелярію. Лыковъ не сходилъ съ языка. Строились всякія предположенія и, по мѣрѣ поступленія новыхъ свѣдѣній, рѣшалась дальнѣйшая его судьба: и какъ онъ будетъ держаться на допросѣ, и какую произнесетъ рѣчь на судѣ, и дастъ-ли такой повѣсить себя, если приговорятъ его, какъ гимназистку Вербову.

Такъ за всякими разговорами и дѣлами никого не удивило и даже не вызвало самага простого любопытства, когда въ одинъ прекрасный день, именно послѣ Воздвиженія, Стратилатовъ не явился въ канцелярію. Дня три пустовало его мѣсто и тутъ только хватились. Стали наводить справку, оказалось, заявленія никакого не поступало. Что за притча?

Прямо изъ суда отправился Зимаревъ на развѣдки. Стукнулся въ каменный домъ къ Таратееву на новую квартиру, но тамъ Стратилатова не оказалось и спрашивать не у кого: внучка Тарактеева, дѣвчонка глупая и безтолковая, только и могла сказать, что зовутъ ее Катькою.

Пробившись по-пусту съ дѣвчонкою, Зимаревъ пошелъ на старую квартиру, надѣясь разузнать что-нибудь отъ надзирателя. Но къ надзирателю не пришлось стучаться, на крылечкѣ встрѣтила Агапевна.

— Это ты, золотой, — обрадовалась старуха, — а мой-то, мой-то! — и беззубый ротъ ея вздрагивалъ.

Она повела его въ комнаты, усадила въ гостиной на царское кресло передъ чудеснымъ зеркаломъ.

Все было на своемъ мѣстѣ цѣлымъ цѣло, словно бы и не думалъ никогда уѣзжать Иванъ Семеновичъ изъ своего насиженного гнѣзда: лампадки горѣли въ двухъ переднихъ углахъ передъ Спасителемъ и Богородицею, и висѣли картины цѣлы-цѣлехоньки, на красномъ шкапу лежала прихода-расходная книжка для записи милостыни, а на дверцахъ красовался старинный обер-нибѣсовскій галстукъ съ кистями — все старуха устроила и разставила по старому, только на сундукъ съ книгами, на которомъ спалъ когда-то художникъ, си-

дѣлъ теперь дымчатый усатый котъ и, замывая гостей, пѣлъ свои вилы-грабли, да не было самого Ивана Семеновича.

Изъ разспросовъ выяснилось, какое несчастье постигло Стратилатова: будь и о двухъ головахъ, — пропадешь, вотъ какое горькое!

Послѣ своего изгнанія, пріютилась Агапевна въ уголку въ сѣняхъ между сундуками и, стараясь на глаза не попасться, кое-какъ перебивалась, а когда Иванъ Семеновичъ переѣхалъ къ Тарактееву, позволилъ ей старикъ Тарактеевъ въ кухнѣ у дверей устроиться — днемъ за дѣвчонкою внучкой присматривать. А старуха и въ щель тараканомъ затиснулась бы, только бы не разставаться съ Иваномъ Семеновичемъ, чувствовала старуха: быть бѣдѣ. Дня не проходило безъ стражника Емельяна Прокудина, и днемъ, и ночью торчалъ онъ у Стратилатова — на чужое добро лакомъ! — точаль лясы съ Надеждою. И правда говорится: лакома овца къ соли, коза къ волѣ, а вѣтреная женщина къ новой любви, — стрясъ ее съ нимъ лукавый. Дальше — больше, и въ концѣ концовъ ушла Надежда съ Прокудинымъ. На Воздвиженъе передъ обѣдомъ вломился стражникъ, забралъ полный возъ добра, ухватилъ и укладку съ серебромъ.

— Вѣдь вотъ, милой, — рассказывала Агапевна, — нашъ то схватился за укладку, не пускаетъ. Дважды на улицу выбивались, а потомъ тотъ его и дерзнулъ. Мой-то свѣту не взвидѣлъ — скоконетъ съ рундука-то, да прямо въ шайку, ажно вода захлипала, руками-то схватился за желобъ, а труба прочь — а онъ бокомъ-то, свѣту не взвидѣлъ! „Ничего, — говоритъ, — не понимаю, — да руку мнѣ, — веди меня, Агапевна!“ — слезами заливается. А Надерка-то поганая на возу сидитъ да хохочетъ: „На что мнѣ, — говоритъ, — тебя лысаго да паршиваго, помоложе естъ!“ А кругомъ народъ-то издѣвается, сорокъ человѣкъ, срамота! Такъ-то, милой, изъ-за женщины такую муку принялъ. Теперь въ больницѣ лежитъ.

На другой день Зимаревъ ходилъ въ больницу. Было уже поздно, пріемъ кончился, но его, какъ начальство, пропустили.

Стратилатовъ узналъ пріятеля, но трудно было узнать его: съ забинтованнымъ бокомъ онъ лежалъ на

и не повернуться, ни руку поднять — какъ ко-
да, и не ружинный, а почернѣвшій, и не черный пу-
шокъ, сѣдые щетинились усы, ясно было, онъ подкра-
шивалъ ихъ и подстригалъ искусно, и застѣла колючая
борода, а маленькіе глаза, мутные, какъ два стеклышка,
мереживались, скашиваясь къ носу.

— Не боку мнѣ жалко, Борисъ Сергѣевичъ, а то,
что она, подлая, укладку увезла; кабы не боленъ, пря-
мо бы въ судъ пошелъ, — только и могъ проговорить
Иванъ Семеновичъ, видно, больно закололо въ боку.

И, глядя на пріятеля своими мутными глазами,
онъ словно все спрашивалъ:

„И чего люди спорять, чего добиваются, и какъ
разобрать, кто правъ, и когда только все это кон-
чится?“

Но отлежала боль, и онъ опять повторялъ:

— Не боку мнѣ жалко, Борисъ Сергѣевичъ.

Скрутило Ивана Семеновича, пришло время, и не
дождался перваго снѣга, не обновилъ енотку — не
снесъ головы: на Федора Студита, какъ прилетать отъ
желѣзныхъ горъ зимнимъ вѣтрамъ, пріобщившись и
пособоровавшись масломъ, померъ.

Разсказывали, что мучился онъ передъ смертью
крѣпко и томился. Все жаловался, что мыслей оста-
новить не можетъ и давить глаза шибко, и мерещи-
лось ему, будто люди какіе-то, на лопаты похожіе,
набрасываются на него, зацѣпили веревками подъ руки
и тащатъ, какъ собаченку, къ рѣчкѣ топить, упирает-
ся онъ, визжитъ, а они молчкомъ себѣ тащатъ; а то
будто кружится надъ нимъ воронъ — черный вѣстникъ,
желѣзный носъ, мѣдныя ноги, разинулъ клювъ и все
ниже, ниже спускается; хвостъ тоже мерещился шиши-
гинъ, промелькнетъ по палатѣ или въ углу трубой
стоитъ, дымчатый, пушистый, какъ у Васьки, вотъ-вотъ
закроетъ.

— И-ва-а-нъ! Васи-л-л-лій! Пе-е-е-тръ! — причи-
талъ Иванъ Семеновичъ, призывая не то мертвыхъ изъ
доминанья, не то живыхъ знакомыхъ, и каменѣлъ, слов-
но палка.

А какъ притти послѣдному часу, за минуту до
смерти, затихать ужъ сталъ и ералашъ свой бросилъ —
пересталъ бредить, да вдругъ какъ вскочить съ койки,

выпрямился, вытянулся на своихъ жилистыхъ тонкихъ ногахъ, инда утроба вся вздрогнула, стойкій, этакъ сталъ открыто плѣшью къ солнцу — сидѣлка увѣряла что Богородицу читать сталъ, а фельдшеръ Жоховъ хихикалъ, что вовсе не Богородицу, а будто стихи какіе-то, такіе, — и какъ подкошенный, повалился; потѣ выступилъ на переносицѣ и покатилаь капля по носу, капля за каплею, выбрало изъ глазъ свѣтъ — отемнѣло, и отошелъ онъ въ вѣчную жизнь.

У Стратилатова наслѣдниковъ не было, не оставилъ онъ и духовной, и деньги — десять тысячъ — де решили въ казну. Вещи же назначили къ распродажѣ и пока что жила при нихъ Агапевна.

И въ родѣ полоумной стала, сна лишилась старуха: приляжетъ ночью на лежанку, а не ложится, выско-читъ въ сѣни на крылечко — все ей представляется все ей слышится, будто Иванъ Семеновичъ кличетъ:

— Агапевна?

— Я, батюшка.

1909—1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНѢ
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

Издательство настоящей книги, выпускаетъ въ ближайшемъ времени
произведения русскихъ авторовъ:

1. **„Отрывокъ изъ мемуаровъ . . .“**
Романъ Е. Ильиной-Полторацкой.
2. **„Со Святыми Упокой“**
Романъ Л. Урванцова.
3. **„Записки мерзавца“**
Романъ А. Ветлугина.
4. **„Нилъ Мироточивый“**
Повѣсть И. Соколова-Микитова.
5. **„Иезуитушка“**
Книга разсказовъ А. Дроздова.
6. **„Сорочьи сказки“**
Дѣтская книга гр. А. Н. Толстого.
7. **„Заря — заряница“**
Дѣтская книга И. Соколова-Микитова.
8. **„Зайчикъ Иванычъ“, „Котофей Котофеевичъ“, „Мышка-морщинка“, „Медвѣдюшка“, „Мака“**
Дѣтскія сказки А. Ремизова.
9. **„Ё“**
Тибетская сказка А. Ремизова.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ:

10. **„Высокая жизнь“**
Пьеса Зудермана. Авторизованный переводъ.
11. **„Туннель“**
Романъ Б. Келлермана.

Литературнымъ отдѣломъ издательства
завѣдуетъ гр. А. Н. ТОЛСТОЙ.
